

Ю.И. Смирнов

Щелкан Дудентьевич

Кенозерский
национальный парк

УДК
ББК
С50

Юрий Иванович Смирнов

С50 Щелкан Дудуентьевич : [эпическая песня] / Ю.И. Смирнов; — [Архангельск]: Кенозерский национальный парк [2011] (ЗАО «Партнер НП»), — 112 стр. — (Наследие Кенозерья)

ISBN

Научное издание.

Печатается по решению научно-методического совета

ФГУ «Национальный парк «Кенозерский»

Песню о Щелкане Дудентьевиче находили только на Урале, на Кенозере и на западном берегу Белого моря. Её записывали всего десять раз, причём шесть записей кенозерских. В книге песня рассматривается на фоне событий первой четверти XIV в. с привлечением отечественных и иноземных письменных источников и доступных образцов монгольского фольклора. Итогом исследования стало заключение о том, что песня представляет собой непосредственный отклик на восстание 1327 г. в Твери против засилья ордынцев.

ISBN

© Ю.И. Смирнов

© ФГУ НП «Кенозерский»

© ЗАО «Партнер НП»

Уральская песня о Щелкане Дюдентьевиче и её исторический фон

Некогда, не позже 60–80-х гг. XVIII в.; судя по бумаге, на которой они были написаны, записывались разные эпические и иные песни на Урале, в пределах владений известных заводчиков Демидовых. Окончательный вид рукопись с этими песнями приняла, опять же судя по бумаге, не ранее 80-х гг. XVIII в. Впрочем, последний текст в рукописи, посвящённый Стеньке Разину, обрывается на самом начале, поэтому можно предполагать, что, помимо песни о Разине в рукописи могли находиться и тексты с реалиями более позднего времени, но они почему-то были отставлены тем человеком (или теми людьми), который в последний раз формировал собрание текстов, судя по почеркам, с помощью целой артели писцов. В этом виде, с резко оборванным концом, рукопись лежала под спудом, и только в 1804 г. значительная её часть была, наконец, опубликована отдельной книгой. С тех пор это собрание песен, по сомнительным признакам объявленное принадлежащим некоему Кирше Данилову¹, переиздавалось несколько раз, но лишь два века спустя, в 2000 г., вышло её издание, где тексты воспроизводились без каких-либо изъятий слов и выражений².

Во всех изданиях этого уральского сборника, под №4 неизменно помещалась песня о Щелкане Дюдентьевиче:

Щелкан Дюдентевич

А и деялосе в Орде,
Передеялось в Большой:
На стуле золоте,
На рытом бархоте,
5 На червчатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович —
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
10 Костылём размахивает
По бритым тем усам,

- По татарским тем головам,
По синим плешам.
Шурьев царь дарил,
15 Азвяк Таврулович
Городами стольными:
Василья — на Плёсу,
Гордея — к Вологде,
Ахрамея — к Костроме.
20 Одного не пожаловал —
Любимова шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал, —
25 Ево дома не случилось.
Уезжал-то млад Щелкан
В дальнюю землю Литовскую,
За моря синяя;
Брал он, млад Щелкан,
30 Дани-невыходы,
Царски невыплаты.
С князей брал по сту рублёв,
С бояр — по пятидесят,
С крестьян — по пяти рублёв.
35 У которова денег нет,
У тово дитя возьмёт;
У которова дитя нет,
У тово жену возьмёт,
У котораго жены-то нет,
40 Тово самово головой возьмёт.
Вывез млад Щелкан
Дани-выходы
Царския невыплаты.
Вывел млад Щелкан
45 Коня во сто рублёв,
Седло — во тысячу.
Узде — цены ей нет:
Не тем узда дорога,

Что вся узда золота,
50 Она тем, узда, дорога —
Царское жалованье,
Государево величество.
А нельзя, дескать, тое узды
Ни продать, ни променять
55 И друга дарить,
Щелкана Дюдентевича.
Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
«Гой еси, царь Азвяк,
60 Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов
Любимых шуринов
(Двух удалых Борисовичев):
Василья — на Плёсу,
65 Гордея — к Вологде,
Ахрамея — к Костроме.
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
70 Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи!»
Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:
75 «Гой еси, шуриин мой,
Щелкан Дюдентевич,
Заколи-тка ты сына своего,
Сына любимова,
Крови ты чашу нацеди,
80 Выпей ты крови тоя,
Крови горячия, —
И тогда я тебе пожалую
Тверью старою,
Тверью богатою,
85 Двомя братцами родимыми,

- Дву удалыми Борисовичи!»
Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацедил,
90 Крови горячия,
Выпил чашу
Тоя крови горячия.
А втапоры царь Азвяк
За то ево пожаловал
95 Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцы родимыми,
Два удалыми Борисовичи.
И втепоры млад Щелкан —
100 Он судьёю насел
В Тверь-ту старую,
В Тверь-ту богатую.
А не много он судьёю сидел —
И вдовы-то бесчестити,
105 Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-то старья,
Мужики-то богатыя,
110 Мужики посадския,
Они жалобу приносили
Двум братцам родимым,
Двум удалым Борисовичам.
От народа они
115 С поклонами пошли,
С честными подарками,
И понесли они
Честныя подарки —
Злата-серебра и скатнова земчуга.
120 И зашли ево в доме у себя,
Щелкана Дюдентевича.
Подарки принял от них —

- Чести не воздал им:
Втапоры млад Щелкан
125 Зачванелся он, загордился.
И они с ним раздорили,
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги —
И тут ево разорвали.
130 Тут смерть ему случилася —
Ни на ком не сыскалося³.

К началу XIX в., когда вышел сборник уральских песен, среди просвещённых людей было очень немного таких, кто имел возможность заглядывать и хотя бы чуточку заглядывал в какие-нибудь старинные летописи. С изданием «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, число людей, получающих сколько-нибудь пространные сведения по истории нашей страны, стало значительно умножаться, а позже, по мере издания десятков томов русских летописей и других письменных источников, круг знатоков истории непрерывно расширялся. Среди знатоков, естественно, довольно скоро нашлись люди, которые — по именам Щелкана и Азвяка, по упоминаниям Большой Орды и Твери — догадались, что в песне содержится некий отклик на выступление тверичей против татар в 1327 г. Утверждение связи между уральской песней и отображённым в летописях подлинным событием послужило основанием зачислить песню в разряд исторических, и это зачисление остаётся за песней по сей день.

Песню о Щелкане могли сложить, естественно, только в Твери или в её ближайшей округе. В иных землях хватало своих событий, своих бед и радостей, на которые по воле или по неволе надо было откликаться и песенным творчеством. Песню о Щелкане незачем было создавать спустя какое-то время, потому что в другое время первенствующее значение приобретали иные события и фигуры. Песню должны были придумать тотчас, по горячим следам. За время бытования она не могла не претерпеть изменений. Разбирая её варианты, тут, прежде всего, оцениваются песенные реалии. Важно узнать, насколько близки эти реалии ко времени создания песни.

В XIX в. постепенно открывались скудные сведения о Щелкане или, очень редко, Шевкале, как его называют летописи. Это русское произношение имени, вероятно, типа Чолхан или Челкан. Описание тверского восстания 1327 г. в летописях нередко имеет заглавие «Щелканова рать» или даже «Щел-

кановщина». Принимая во внимание устойчивое употребление формы имени в летописях и в песне, здесь этот персонаж впредь именуется Щелканом.

Его исторический прототип принадлежал к высшему кругу Большой Орды, ибо по крови вёл своё происхождение от самого Чингизхана. Его отец Тудан был сыном хана Менгу-Тимура, правителя Большой Орды (1266–1282), и братом хана Тохты (1291–1313). Русские летописи именуют Тудана Дюденем. Исполняя повеление брата Тохты, Дюдень в 1293 г. опустошал русские княжества: летописи назвали это нашествие «Дюденовой ратью». В ходе нашествия татары разорили и сожгли до полутора десятков городов, преимущественно во Владимиро-Суздальской Руси. Захватив в плен князя Даниила, они уничтожили и Москву, тогда ещё совсем небольшую по сравнению с Переславлем, Ростовом и Владимиром, тоже немилосердно разорёнными. Дюдень подступал и к Твери, постоял у города, но не пошёл на приступ, как предполагают, из-за того, что тверичи успели подготовиться к крепкому отпору, — между прочим, кажется, и теперь на противоположном от Твери левом берегу Волги, чуть выше по течению, сохранилась деревушка с памятным названием Дудентьево. Щелкан наверняка знал о подвигах отца, знал и о том, что отец уклонился от захвата Твери, и должен был испытывать непередаваемое удовольствие от того, что сам он с большим отрядом въехал в Тверь без боя, с полного согласия князя Александра.

Щелкан въезжал в Тверь по воле ордынского правителя Узбека (1313–1341). Он приходился Узбеку, по выражению летописцев, «братаничем», то есть двоюродным братом. Как и Щелкан, Узбек тоже был внуком Менгу-Тимура, но от другого сына — от Тогрула, поэтому песня не погрешила, назвав ордынского правителя «Азвяком Товруловичем»: русское произношение не слишком переименовало исходные имена. Узбек смолоду возжаждал власти. Едва умер его дядя, хан Тохта, как по приказу Узбека был убит сын Тохты, дабы тот, очевидно, не упредил его. «Убей соперника или он погубит тебя» — Узбек твёрдо следовал этому правилу. За сыном Тохты было истреблено, как считают, ещё не менее 70 чингизидов вместе с их приближёнными. Узбек принялся принудительно насаждать ислам среди подданных, привыкших к веротерпимости, и это тоже сопровождалось убийствами и казнями явных или возможных противников. В кровавой круговерти всевластия Узбека Щелкан сумел уцелеть. Он не мог бы уцелеть и остаться среди близких людей Узбека, если бы не выказывал неизменно преданность и послушание. Отправляя Щелкана с поручениями в Тверь, Узбек, наверное, ни чуть не сомневался в его исполнительности.

Навсегда останется неизвестным, что знали в подробностях о правлении Узбека создатели песни о Щелкане. Ко времени её записи на Урале она прожилла в народе более 4 веков. За это время певцы и передатчики много раз могли вносить в текст какие-то изменения, что-то уже непонятное снимать, а что-то, ясное для слушателей, добавлять, поэтому далеко не все части и частицы песни можно считать принадлежащими к изначальному её тексту.

Реальный хан Узбек, разумеется, не сидел на стуле, пусть и золотом, как это утверждается в уральском варианте песни (ст. 3–7). В Орде обходились без стульев. Те, кто в песне посадил Азвяка на стул, вероятно, имели в виду трон, но не знали слова «трон». Тут они скорее исходили из отечественной действительности. Они знали, что правителю, князю или царю, надлежит восседать на троне, непременно возвышаясь над теми, кем он повелевал. Усадив Азвяка на стул, создатели этой сцены очень выразительно затем описали, как Азвяк посохом («костыльём») вдалбливает свои мудрые повеления (ст. 8–13). Здесь звучит откровенная насмешка. Трудно утверждать, что эту смелость могли допустить создатели песни. Она более свойственна потомкам победителей татарщины.

Из всех близких Азвяку людей песня выделяет одних «шурьев», то есть братьев жены или жён Азвяка. Шурьям даны православные имена (ст. 17–19), что нельзя истолковать совершенно определённо. Те, кто присвоил шурьям православные имена, могли попросту и не знать ордынских имён, тем более имён шурьев, самых близких хану людей, но в этом приёме можно также усмотреть нарочитое пренебрежение к ордынцам, их подлинным именам и всему другому, что относилось к их образу жизни.

Шурьев Азвяк «дарил» русскими городами (ст. 14–19). Лёгкость, с какой употреблён глагол «дарил», позволяла слушателям произвольно понимать дарение: как передачу в собственность, как передачу в управление на некоторый срок или как способ кормления одаренного шурина. Дарения и пожалования широко применялись правителями Московского княжества/государства почти до конца XVI в. Немудрено, что об этом знали в народе, который подтверждал своё знание и тем, что во многих фольклорных произведениях превратил это деяние московских государей в функцию любых фольклорных правителей. Такой функцией, несомненно, наделён и Азвяк. Как ни понимать здесь употреблённый в песне глагол «дарил», это никоим образом не приблизит к приёмам, применявшимся историческим ханом Узбеком. В действительности хан, наверное, даже не помышлял о том, чтобы подарить русский город кому-либо из своих приближённых. Тогда исполнителями

воли Узбека были, прежде всего, русские князья. Это князья собирали «дани-выходы» и порой даже состязались между собой, в том, кто из них привезёт в Орду больше серебра и мехов ради того, чтобы получить на следующий срок вождеденный «ярлык» на княжение. При князьях хан держал, выражаясь по-современному, досмотрщиков. Для верности или для взимания недоимок, действительных или надуманных, хан время от времени присылал своего представителя. Песенные реалии весьма далеки от действительных реалий времени хана Узбека. Песня не знает сколько-нибудь правдоподобного описания отношений между русскими князьями и Ордю.

Песня не знает также основных центров Русской земли. В пору Узбека от Плёса, Костромы и тем более от Вологды Орда могла получить меньше «даней-выходов», нежели от Владимира, Суздаля, Ростова, Переславля и, уж конечно, от Новгорода, откуда ордынцы выжимали много больше серебра, чем из любого княжества. Тому человеку, кто вставил в песню упоминания о Плёсе, Вологде и Костроме, удалённых от основных центров тогдашней Руси, очевидно, эти города были известны лучше, чем более важные города Руси XIV в. Он вставил названия, наверное, потому, что исходил из каких-то личных впечатлений.

Примечательно упоминание Плёса, городка на правом берегу Волги, несколько ниже Костромы. Тому, кто бывал в Плёсе, наверное, доводилось слышать там о каменной гряде, которую пересекает Волга чуть ниже Плёса. В том месте резко сужается судоходный створ, что издавна, в зависимости от уровня воды и иных обстоятельств, серьёзно осложняло проведение судов, порой даже приводило к остановке продвижения и к перевалке грузов. Там обычно стояла застава, а с нею — проводники и другие работники, обеспечивавшие безопасность прохождения судов, их починку и перевалку грузов. Только человек, побывавший в Плёсе, мог оценить значение этого места до такой степени, чтобы вставить в песню о Щелкане упоминание о Плёсе. Вставленными названиями, вероятно, отмечено перемещение какого-то носителя песни от Поволжья в районе Плёса и Костромы — в Вологду, откуда, между прочим, шли пути на север и на восток. Тверской житель XIV в. предпочёл бы назвать иные города.

По песне поначалу обделённым пожалованием оказался Щелкан. Вопреки действительности он тоже назвал шурином и притом любимым. Он не получил пожалования, потому что был в отъезде (ст. 20–27). Его исторический прототип и вправду мог бы выполнять подобное поручение хана. Тогда Орда и Литва рьяно соперничали в стремлении овладеть южнорусски-

ми и западнорусскими княжествами, причём отмечались случаи двойного, Ордой и Литвой, обложения податями отдельных областей. Песенную поездку Щелкана в Литовскую землю можно было бы принять за отзвук действительного события, если бы Литовская земля не была помещена в песне «за морем синяя» (ст. 28). Непосредственный исполнитель песни или кто-то из его предшественников не знал, где же находится Литовская земля. Их незнание заставляет предполагать, что упоминание именно Литовской земли использовано здесь произвольно, может быть, всего лишь потому, что носителю текста было известно о существовании Литовской земли по другим эпическим песням.

В Литовской земле Щелкан собирал «дани-невыходы» с учётом социального и имущественного положения жителей (ст. 29–40). По своему описанию сбор Щелкана резко отличается от того, какой наблюдал в 1245 г. католический монах Плано Карпини: «...в бытность нашу в Руссию был прислан туда один сарацин, как говорили, из партии Куйюк-хана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трёх сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии, вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жён, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно чтобы он давал одну шкуру белого (!) медведя, одного чёрного бобра, одного чёрного соболя (!), одну чёрную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле, название которого мы не умеем передать по-латыни, а по-немецки оно называется «ильтис», поляки же и русские называют этого зверя «дохорь», и одну чёрную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведён к татарам и обращён в их раба»⁴.

По сравнению с этим сбором 1245 года песенное описание представляет Щелкана довольно милосердным. Нетрудно заключить, что песенный Щелкан был истым человеколюбом по сравнению с сарацином (арабом) XIII в. Песня утверждает, что Щелкан прибегал к тем меркам сбора, какие в целом можно определить как прогрессивный налог, о котором нынче мечтают и в пользу которого даже осмеливаются высказываться чересчур человеколюбивые граждане нашей страны. Помимо песни о Щелкане, пожалуй, нельзя отыскать давний по времени сложения русский фольклорный текст, где бы тоже описывалось применение прогрессивного налога.

С этой точки зрения описание почему-то не оценивалось. Хуже того, из него обычно вычленялся лишь отрывок о взимании дани с безденежных людей (ст. 35–40). И хотя в тексте говорится о сборе дани в Литовской земле, этот способ взимания переносился оттуда и принимался как использовавшийся и в Русской земле. Отрывок настойчиво цитировался в различных трудах и в публичных выступлениях как бесспорное доказательство жесточайших поборов времён татаро-монгольского ига. Между тем о способе взимания дани в русских княжествах в песне ничего не говорится. Описанный в песне «прогрессивный налог» невозможно подтвердить ещё и потому, что, помимо приведённого рассказа Карпини, не сохранились письменные источники, где бы раскрывались подушные, подворные или какие-то иные величины дани. Неизвестны даже годовые её размеры. Историки до сих пор не в силах отыскать определённые сведения об этом и возмещают их отсутствием собственными — впрочем, осторожными, предположениями.

Однако, что опровергает прямое отождествление песенного описания сбора дани с действительным её собиранием в русских княжествах, состоит в том, что ко времени восстания в Твери сборщиком дани именем хана выступал великий князь Владимирский. Получив ханскую грамоту (ярлык) на великое княжение, ордынский избранник обязывался доставлять в Орду условленное количество серебра, мехов и чего-то ещё материального. Кроме того, он поневоле должен был щедро преподносить «поминки» (дары) самому хану, его жёнам и приближённым. И всё это накапливалось и отвозилось в Орду без участия татар. Неизвестно, какими были величины обложения, действительно ли они определялись социальным и имущественным положением облагаемых людей, менялись ли они в зависимости от каких-то обстоятельств. Собирая «дани-выходы», великий князь и его сборщики, разумеется, не забывали и о своей корысти. Какая доля в собранном присваивалась сборщиками, какую долю забирал себе великий князь, а какую — приходилось везти в Орду, остаётся неизвестным. Великий князь и его сборщики, надо думать, от этих трудов беднее не становились. В год приезда Щелкана в Тверь великим князем Владимирским был тверской князь Александр Михайлович, но о нём в песне ничего не говорится.

По уральскому варианту песни, наряду с вывезенной из Литовской земли данью, Щелкан «вывел» верхового коня в богатом убранстве⁵. И хотя коню посвящено несколько стихов (ст. 44–55), передатчик песни, по-видимому, не знал, каким образом Щелкан заполучил коня: отобрал ли, принудил ли отдать и т.п.⁶ В песне отмечено лишь естественная для степняка важность

заполучения доброго коня в богатом убранстве, но не способ заполучения, который сразу бы выказал, хищным или благородным представлялся Щелкан тем, кто столетия продолжал о нём петь.

Стихи о заполученной Щелканом узде явно затемнены, может быть, оттого, что последние носители песни пренебрегли необходимостью пояснить требование держать узду в собственном вечном владении или уже позабыли соответствующие пояснительные стихи. Неясно, почему Щелкан посчитал уздечку заветной. Может быть, слушатели давних времён знали смысл требования и довольствовались прослушиванием только намёка на смысл, однако теперь этот смысл уловить крайне затруднительно. При включении в песню стихов об уздечке создатели имели выбор в пояснении смысла: они могли, если знали, показать понимание с точки зрения степняка, каким был Щелкан; они могли отдать предпочтение сугубо русскому, фольклорному или бытовому пониманию; наконец, они могли попытаться совместить степное и русское представления.

Более 20 лет назад уфимец Р.Г. Назиров предложил свои суждения об уздечке, заполученной Щелканом. Он попытался истолковать порознь степное, преимущественное тюркское, и русское представления о значимости уздечки, после чего решился совместить их. По его убеждению, «Узда символизирует власть не над определённым конём, а над конями вообще: она выступает как материально воплощённая возможность иметь коней»⁷. «Бесчинства Щелкана» Назиров видит в том, что Щелкан «уводит коней вместе с уздечками [между тем в песне речь идёт об одном коне и об одной уздечке! — Ю.С.], тем самым лишая своих жертв и их потомков самой возможности иметь коней, обрекая их на «безлошадность», разоряя даже будущие поколения»⁸. При всей привлекательности эти суждения трудно принять даже как предположения, ибо они слабо подкреплены фактами, притом из источников, почему-то не названных. Изучение представлений об уздечке, очевидно, требует более глубоких разысканий. Но и после новых исследований о значимости уздечки любое толкование тёмных стихов о ней, заполученной Щелканом, к сожалению, всё равно останется гадательным.

Сразу после восхваления конской узды песня помещает Щелкана перед Азвяком. Эпическая обстоятельность требовала бы описать, как Щелкан отчитался о своей поездке в Литовскую землю, после чего выслушал похвалу хана и его вопрос о том, чем же наградить Щелкана за службу, — тогда уместной была бы скромная просьба пожаловать его Тверью. Вместо этой последовательности слушателям предложена речь Щелкана, где звучит

иное обоснование пожалования (ст. 59–72). Не скромное желание получить заслуженную награду, а ревность или обида слышна в речи Щелкана.

Там же впервые упоминаются некие братья Борисовичи. Сначала о них сказано явно нехотая. Ведь ими оказываются всё те же шурины, пожалованные городами (ст. 62–66). Это нужно считать ошибкой переписчика и просмотром редактора или же оговоркой самого передатчика текста, что подтверждается последующим содержанием песни. Уже в конце речи Щелкана братья Борисовичи помещены в Тверь (ст. 69–72). Об этом же затем говорит Азвяк (ст. 83–86), упоминается в его пожаловании (ст. 95–98) и, наконец, рассказывается во второй части песни, где братья Борисовичи выступают действующими персонажами (ст. 111–113 и далее). О социальном положении братьев ничего не говорится. Всё же нельзя сомневаться в том, что они не были чьими-то рабами или холопами. Уже поэтому Щелкан не мог просить пожаловать братьями Борисовичами. Станным должно показаться утверждение в песне о том, что Щелкан и даже сам Азвяк уже знают о братьях Борисовичах, обретающихся в Твери. Слушатели, возможно, и принимали столь сильное допущение, однако изначальная логика повествования, наверное, всё же исключала возможность такого заочного знакомства. В упоминаниях о братьях Борисовичах просматривается недоговоренность, допущенная при передаче текста на запись или при его редактировании. Скорее всего, сам передатчик текста или его предшественник не знал, кем были в Твери братья Борисовичи. Поэтому им были допущены несуразности, поправить которые в дальнейшем никому не удалось.

В уральском сборнике вслед за песней о Щелкане под №5 помещена песня «Мастрюк Темрюкович», содержащая одну из очень многих версий широко бытовавшей исторической песни, в которой главный герой чаще назван Кострюком. В уральской версии, как и в других, Мастрюк справедливо именуется шурином Ивана Грозного. Если принимать, что передатчиком текстов о Щелкане и о Мастрюке был один и тот же человек, то именование Щелкана шурином Азвяка можно объяснить влиянием исторически верного и традиционного для песни отношения между Мастрюком и Иваном Грозным. В песне о Мастрюке царскому шурину противостоят тоже братья Борисовичи — Миша и Потанька. Один за другим они легко одолевают Мастрюка в борцовском поединке и посрамляют его⁹. Но ни в одном из других вариантов этой песни соперники царского шурина не наделены отчеством Борисовичи. Соседство в уральском сборнике песен о Щелкане и о Мастрюке, скорее всего, свидетельствует о том, что их передал на запись подряд

один и тот же человек. Ничуть не затрудняясь, он допустил перенесения мелких деталей из текста в текст. Так у него Щелкан превратился, наподобие Мастрюка, в царского шурина, а тверские братья Борисовичи перенеслись в царскую Москву. Допуская столь небрежные перенесения, передатчик совершенно не ощущал глубокого различия между временем царя Азвяка и временем Ивана Грозного. Обе эти эпохи он сильно сблизил благодаря тому, что противниками иноэтничного персонажа у него выступили одни и те же герои — братья Борисовичи.

В песне о Мастрюке дано даже описание внешнего вида братьев Борисовичей:

А и бороды бритые,
Усы торженные,
А платья саксонское,
Сапоги с раструбами¹⁰.

Так могли выглядеть русские молодцы не ранее петровской эпохи. Допустив в песню о Мастрюке это привнесение, передатчик удержался от того, чтобы включить его и в песню о Щелкане. Что-то удержало его от этого анахронизма. В песне о Щелкане братья Борисовичи остались без какого-либо облика и социальной прикреплённости. Осталось не объяснённым и знание Щелкана о них ещё до его приезда в Тверь.

Просьбы Щелкана о пожаловании ему Твери Азвяк согласился принять только при страшном условии. Ни какие-то заслуги Щелкана, ни раболепная преданность, ни положение «любимого шурина» Азвяку не достаточны для того, чтобы всё-таки пожаловать Щелкана. Азвяк назначает Щелкану жуткое испытание, необычное по меркам бесчеловечности (ст. 75–86). Сколь ни жестоки были Чингизиды и другие ордынцы XIV в., очень трудно признать правдоподобность такого требования и беспрекословного его исполнения (ст. 88–98), однако песня по-эпически бесстрастно настаивает на правдоподобности. В тексте нет оценок Азвяка и Щелкана. Оценки предоставлено выносить слушателям, для которых чадолубие — естественная норма человеческого общежития, воспетая во множестве фольклорных произведений.

Ошеломив слушателей сценой пожалования, песня тотчас перемещает Щелкана в желанную Тверь. Там Щелкан выступает в гордом одиночестве, что, конечно, совершенно не соответствует действительности XIV в., когда непременно в большом числе татары передвигались по Руси и жили в каких-

то русских городах. Щелкан не мог приехать в Тверь без вооружённого отряда и какой-то челяди. Превратив Щелкана в одиночку, песня свела выступление тверичей до масштаба убийства всего лишь одной персоны или, выражаясь по-современному, до единичного террористического акта.

В песне роль Щелкана в Твери предельно сужена. Он там лишь «судьёю насел» (ст. 100–102). Незнание действительности XIV в. здесь очевидно, зато слушателям XVIII в., прекрасно знакомым с отечественным правосудием, такое занятие Щелкана было вполне понятным. Как утверждается в песне, судейство Щелкана выразилось в бесчинствах (ст. 103–107), чего горожане перетерпеть не могли. Почтенные и богатые горожане (ст. 108–113) обращаются с жалобой к братьям Борисовичам — в песне не объясняется, отчего они прибегли к посредничеству. Братья Борисовичи, в свою очередь, немедленно пошли к Щелкану «от народа» (ст. 114) с богатыми подарками (ст. 118–119). Щелкан, конечно же, принял подарки, но братьям «чести не воздал» (ст. 124). Он зачванился, отчего вспыхнул раздор, и братья разорвали Щелкана (ст. 127–129). И это убийство «ни на ком не сыскалося» (ст. 131), — победительно заключает передатчик песни, чего никак не могли сказать тверичи, которым удалось уцелеть после карательного нашествия объединённых сил Орды и Москвы.

Едва ли не всё, что здесь написано об уральской песне про Щелкана Дуденьевича, можно было высказать ещё примерно полтора век назад. Уже тогда имелось достаточно опубликованных письменных источников, с помощью которых можно было убедиться в том, как мало подлинных реалий времён тверского восстания 1327 г. уцелело в уральской песне, и поведать об этом всему свету. Трудно сказать, отчего среди сведущих людей не нашлось охотников разобрать уральскую песню о Щелкане. Никто из них не посчитал нужным это сделать. У каждого из них имелись свои причины. Они, наверное, видели несоответствие большей части песенных реалий открывшимся сведениям из письменных источников, и молчали. Замалчивание превратилось в традицию.

Чтобы, пусть и приблизительно обрисовать первоначальный облик песни, следует обратить внимание на обстоятельства её возникновения. Коль очевидно в песне говорится об убийстве Щелкана в Твери, следовательно, речь идёт о восстании тверичей в 1327 г., а к восстанию подспудно вели многие предшествовавшие события.

Здесь можно ограничиться событиями лишь первой четверти XIV в.

Из предыстории восстания в Твери

В 1304 г. умер Андрей, сын Александра Невского, великий князь Владимирский. Перед смертью он завещал стол великого князя своему двоюродному брату Михаилу Ярославичу, 33-летнему тверскому князю, племяннику Александра Невского. Волю князя Андрея в 1305 г. своим «ярлыком» (грамотой) утвердил ордынский хан Тохта в обмен на обещание Михаила Ярославича увеличить поступление дани. С этим решением не согласились московские Даниловичи — князь Юрий «с братьею». Юрий, Иван, ставший позднее Калитой, и другие Даниловичи приходились двоюродными племянниками тверскому князю, что отнюдь не сдерживало Юрия яростно оспаривать законное право Михаила на великокняжеский стол. 23-летний Юрий посчитал, что это право должно принадлежать ему, и принялся добиваться этого всеми средствами. Борьба Юрия с Михаилом, двоюродного племянника с дядей, затянулась на долгие годы. В ходе неё с обеих сторон разорялись деревни и города, во множестве погибали люди, а дань Орде только увеличивалась, а богатые подношения соперников ордынской верхушке только умножались и учащались.

Получив «ярлык», князь Михаил утвердился в мысли о своём первенстве среди русских правителей и принялся силой внушать эту мысль тем местным правителям, кто не спешил с нею соглашаться. На пути из Сарая он вступил в Нижний Новгород, нещадно «изби всех вечников» или, иначе, участников веча, «чёрных людей нижегородских», за то, что они расправились с боярами, посланными им, и не преминул присвоить имущество казнённых. После этого на протяжении 1305–1307 гг. Михаил вёл войны с Москвой. Он захватил Переславль, присоединённый было к Москве. Разоряя и сжигая окрест, угонял пленённых людей в свои владения. Тверское войско дважды подступало к самой Москве, но москвичам удалось отбиться. Мира не наступало. Понеся большие потери, обе стороны довольствовались передышкой. Воспользовавшись ею, Михаил повернулся к Великому Новгороду. Там не были готовы к войне с Тверью, поэтому новгородцы уступили и признали Михаила своим князем. Новгородское серебро потекло в Тверь. Купеческие обозы стали идти через Тверь гораздо чаще, чем через Волок Ламский и Москву.

Между тем в 1307 г. в Орде казнили одного из рязанских князей, после чего Рязанская земля подверглась очередному татарскому нашествию. Юрий Данилович воспользовался этим. Он погубил другого рязанского кня-

того же дѣла клѣпеніемъ етѣ пасемнѣноу
 тѣферскѣго . кнѣзь пелікѣи мнхалъ о таро
 ма дичѣ тѣферскѣи . дпоуікъ ѡросла дль .
 прапндѣкъ осеполѣ . прапра дпоуікъ ѡрѣ
 долгороуіскѣго . съмѣтрію своею дѣлнскѣю
 кнѣгннею шкеннѣ еію прелѣжнлн совонѣ
 црѣсь . чѣто была прѣже козѣма нѣдѣанѣ .
 нѣ прелѣжнша донма стѣгосѣса . тѣто
 кнѣ прелѣвраженіе . нѣ гостѣ днша каменѣ .

зя, который уже долго томился в московском плену, и прирастил княжество за счёт рязанских владений. Младшие братья Юрия, Александр и Борис, до того издевавшие тверской плен и только что освобождённые Михаилом, принялись пенять Юрию, «находя казнь единокровного им князя рязанского суровой»¹. Это сильно разгневало Юрия. Опасаясь худшего, чем гнев, Александр и Борис бежали в Тверь. Они предпочли вернуться туда, где совсем недавно находились в плену, и более в Москву уже не возвращались.

Юрий хотел воевать с Тверью, но не имел для этого ни сил, ни средств. Нужно было восстанавливать уничтоженное войною и прибавлять что-то к восстанавливаемому. Нужно было привлекать людей из других княжеств, сажать их на землю, растить хлеб и скот или их силами отстраивать то, что было сожжено или разрушено. В восстановлении и умножении сил и средств Юрий целиком положился на брата Ивана, который уже успел выказать хозяйственную сметку и деловитость. Сам же Юрий в это время подыскивал союзников или поддержку для продолжения с двоюродным дядей Михаилом.

Как раз тогда князь Михаил добивался избрания митрополитом того церковника, какой был им уже выбран. Юрий противопоставил ему своего кандидата — Петра, уроженца Галицкой Руси, и преуспел. В 1310 г. на соборе церковников, с участием мирян из многих городов, митрополитом был избран Пётр. То была очень важная победа московских князей. С тех пор митрополиты были неизменно связаны с Москвой. Получив высшую власть в церкви, митрополит Пётр, не мешкая, принялся ставить епископами верных ему церковников, заменяя ими сторонников князя Михаила. Вместе с тем митрополит осаживал Юрия и Михаила, старался сдерживать воинственные устремления соперников, и некоторое время ему это удавалось.

Судя по всему, Юрий не нашёл поддержки у хана Тохты. Тот, наверное, был доволен поступлением дани, собираемой князем Михаилом, и не хотел, чтобы это поступление уменьшалось или даже прерывалось из-за княжеской междоусобицы. Положение изменилось с захватом власти Узбеком. Оба соперника, Михаил и Юрий, подолгу жили в Орде, оба непрестанно одаивали ордынскую знать и обещали Узбеку увеличить поступление дани, и хан, наконец, стал благосклонно приглядываться к князю Юрию, но тот, не будучи великим князем, ещё не мог собирать дань. Юрий пока не решался на открытую войну с Михаилом. Вместо этого он принялся подстрекать новгородцев, недовольных увеличением поборов в пользу Орды.

И в 1314 г. Господин Великий Новгород поднялся против наместников и сторонников князя Михаила. Больше того, новгородцы ополчились и пош-

ВѢСТО . ѿ . ѿ . ѿ . СѢДЕНІА СЪВѢЩАНІА
 ІЕРУСАЛІМСКАГО ПОНУ
 ПІДРІСІІ ПОНУ
 ГРАДЪ
 МО
 СКО
 ЛЪ

ли войною на Тверь. Разоряя и сжигая беззащитные поселения, новгородцы двигались до тех пор, пока не натолкнулись на войско тверичей, которых возглавлял старший сын Михаила — Дмитрий по прозвищу Грозные Очи. Оба войска не осмелились вступить в решающее сражение. Они простояли друг против друга несколько недель, до холодов, когда всё же заключили мир. Дмитрий подтвердил древнее право Новгорода нанимать себе на службу того князя, какой принимает традиционные условия Новгорода. Воспользовавшись этим подтверждением, новгородцы сразу же послали своих представителей к Юрию Даниловичу, чтобы призвать его на княжение. Тот не замедлил согласиться и в начале 1315 г. появился в Новгороде, где принялся подготавливать войско для новой войны с Тверью.

А в это время князь Михаил находился в Орде. Он пожаловался Узбеку. Хан отпустил Михаила наводить порядок и для усиления действий дал ему большой отряд татар. С этими татарами и со своим войском Михаил пошёл походом на Новгород. Навстречу ему двинулись новгородцы во главе с князем Афанасием, младшим братом Юрия Даниловича. В феврале 1316 г. под Торжком в ожесточённом сражении Михаил разгромил новгородцев. Такого поражения новгородцы ещё не испытывали. Из их числа погибло много знатных людей, даже трое из четырёх бывших посадников — уцелел лишь один, вскоре вновь избранный посадником. В плен попало множество людей. Обманом Михаил сумел пленить и князя Афанасия. Он велел часть пленных новгородцев продать в рабство, а оставшихся пленных придерживал у себя и отказывался их освободить даже за выкуп. Михаил отпустил татар восвояси. С богатой добычей они возвратились в Орду, а на обратном пути продолжали грабить русские поселения.

Потрясённый Новгород согласился было признать Михаила своим князем и выплатить неслыханный откуп в 12 тысяч гривен серебра². Но уже летом того же 1316 г. новгородцы воспротивились, взбунтовались, изгнали тех своих правителей, кто согласился на кабальные условия договора с Михаилом, и опять убивали и грабили сторонников великого князя. Узнав об этом, Михаил пошёл походом на Новгород. И тут произошло нечто странное. Казалось бы, есть торная, всем известная дорога от Торжка до Новгорода, и войску оставалось всего лишь двигаться по ней. Но войско Михаила заблудилось в лесах и болотах! По объяснению одной из тверских летописей «злы вожди [проводники — Ю.С.] заведоша в лихаа места»³. Пробродив в «лихих местах», потеряв много коней, страшно оголодав, войско Михаила едва смогло выбраться уже не к Новгороду, а туда, откуда возвратилось в Тверь.

Кнзь пєчнїсїн жємнї ханло іаросла вчть тое
 цїсїн . нї кнзь пєчнїсїн іорьданнї ходчть
 москї пєсїн . о нї кнзь александро вь . прї
 о нї кнзь іаросла вь . по нї доша вь вь рїдкї
 црї вь пєрє вь пєчнїсїн сьмькнн
 жє нїн о о о о о нї
 мєрєсїкї
 мь
 "

Покоряя Новгород своей воле, Михаил, по-видимому, проглядел действия своего соперника. А Юрий Данилович в это время находился в Орде, где, наконец, сумел настолько понравиться Узбеку, что тот в 1317 г. выдал за него замуж свою сестру Кончаку. Для Узбека то был исключительный поступок. Юрий должен был оценить его как знак высшего благоволения. Спустя четыре года, в 1321 г., Узбек выдал другую свою родственницу замуж за египетского султана. Таким образом, Юрий Данилович по своему положению приравнивался к египетскому султану. Больше того, отдавая сестру за Юрия, хан согласился на то, чтобы её окрестили по православному обряду, что и было исполнено перед венчанием: Кончаку нарекли Агафьей (по-гречески — добрая). А в приданое Юрий получил, чего так долго домогался, — ярлык на стол великого князя Владимирского. Вполне возможно, что Юрий по степному обычаю уплатил за невесту калым, довольно весомый как для хана, так и для его шурина, но сведений об этом нет.

Кровь Чингизидов соединялась с кровью Рюриковичей. Узбек и Юрий, разумеется, это понимали и с учётом возникающего кровного родства строили какие-то планы. Хотя прямых сведений об этих планах не сохранилось, всё же можно полагать, что, опираясь на право кровного родства, Узбек закреплял впредь неотъемлемость Руси от Орды, а Юрий, в свою очередь, устанавливал узаконенное Ордой на Руси единовластие московской ветви Рюриковичей в своём лице и в своём потомстве. Узбек, наверное, рассчитывал на то, что отныне под началом московских князей русские сами будут подавлять русских, осмеливающихся не подчиняться установленным порядкам. Расчёт Узбека вряд ли был вызван одним желанием наслаждаться убийствами одних русских руками других русских. Если Узбек последовательно прибегал к убийствам единокровных Чингизидов, их приближённых и челяди, то для него должно было быть естественным, когда подобные убийства совершались и в другой этнической среде. Узбеку, по-видимому, было важнее другое. Он явно понимал, что власть своих по вероисповеданию и по этнических принадлежности правителей куда более приемлема для русских, нежели прямая власть ордынских наместников и гнёт ордынских сборщиков дани, иначе он не стал бы признавать право русских князей на стол великого князя Владимирского. Власть русских правителей над русскими же не требовала от Орды сколько-нибудь значительных усилий. Хану достаточно было изрекать корыстные для себя повеления, не без подсказки мудрых советников, и время от времени узнавать об их исполнении, опять же с помощью приближённых. Полагаясь на великого князя Владимирского, Узбек уже мог не посылать

иудей старинный . сѣмъ же не хотѣ
 щимъ тѣмъ ко срубъ посты на сева да тѣи

Онъ же сѣмъ въ старость принде . ииъ ума
 цѣвъ ииъ по сѣмъ по тѣдѣрь . а прочий людеи цѣвъ
 перепрода азъ какъ сѣмъ стече . а кони иуд
 ииъ до сѣмъ хуи ииъ до сѣмъ роу жѣи ииъ до сѣмъ ма стѣ
 рои по за цѣмъ тѣдѣрь . аиъ по рѣко разори

крупные воинские силы, очень нужные для применения в других местах и на порубежьях Орды, непрерывно раздираемой изнутри и извне.

Для наблюдения за действиями Юрия Узбек ограничился отправкой своих послов во главе с неким Кавгадыем и в сопровождении конного отряда, приличествующего рангу послов.

Слово «кавга» в западно-тюркских языках, по-видимому, и теперь известно в значении «ссора», «спор», «раздор». От этого слова возникала и производная форма типа «кавгаджи/кавгачи»: так называли человека-задиру, любящего затевать ссоры и устраивать раздоры. Русское написание «Кавгадый», несомненно, соотносится с формой «кавгаджи» и ведёт своё происхождение от неё, поэтому форма «Кавгадый» изначально была не собственным именем, а прозвищем. Подлинное имя посланца Узбека осталось неизвестным. Его, очевидно, знали только по прозвищу, которое и закрепилось за ним в русских летописях. Не раскрытое по смыслу оно воспринималось как собственное имя. Судя по летописным рассказам, Кавгадый по своим поступкам вполне соответствовал наделённому прозвищу.

Надо думать, что послам вменялось, прежде всего, добиваться постоянного поступления дани в Орду, вероятно, даже с её увеличением, ибо известно, что Юрий в Орде не скупился на обещания.

Возвращаясь из Орды, Юрий встретился с Михаилом в Костроме. Михаил внешне смиренно принял повеление хана о передаче ярлыка Юрию, но не согласился заключить с ним мир. В точности не известно, но вероятно, что Юрий выдвинул условия, неприемлемые для Михаила. Князья разъехались, прекрасно понимая, что война между ними неминуема. Оба они принялись готовиться к войне. Михаил, впрочем, попытался через своих посланцев и через Кавгадыя убедить Юрия оставить Тверскую землю в покое, но тот отверг благое пожелание Михаила.

В Твери принялись строить новый «кремник» (кремль). В сентябре того же 1317 г. тверичи наблюдали над городом круг с тремя «лучами»: два из них протягивались к востоку, а один — к западу. В тверских летописях нет толкования этому знамению, тем не менее, можно полагать, что в народе, наверное, говорили о том, что лучи указывают туда, откуда Твери грозят враги: с востока — Москва и Орда, а с запада — Новгород. Знамение, стало быть, предвещало войну, что вскоре и сбылось.

С крепкими заморозками войну начали новгородцы. Им, видимо, не терпелось отомстить за недавнее поражение. Наряду с этим они подтверждали свою верность Юрию и надеялись разделить с ним плоды победы. Миха-

ил немедля выступил против новгородцев, в одном бою без труда побил их и принудил просить мира. Михаилу поспособствовала некоторая медлительность Юрия.

Несколько припозднившись, московский князь тоже выступил. Он, конечно же, помнил о том, как несколько лет назад тверичи дважды огнём и мечом проходили по Подмоскovie, и принялся воздавать отомщением. Его воины грабили и сжигали подряд все поселения, а жителей захватывали в плен. Юрий, наконец, подошёл к Твери и довольно скоро убедился, что приступом город не взять, а к длительной осаде он, очевидно, не приготовился. Юрий отошёл от города и устроил стан на левом берегу Волги, по её течению несколько выше Твери. Оттуда он рассылал во все стороны мелкие отряды, которые продолжали разорять Тверское княжество. Юрий, видимо, надеялся на то, что Михаил всё же не решится воевать против ханского шурина, для убедительности подкреплённого ордынской конницей. Он ждал, когда же Михаил, не выдержав разорения княжества, изъяснит полную покорность.

Судя по непротивлению действиям Юрия, Михаил тоже выжидал. Может быть, он надеялся на то, что Юрий насытится разгромлением Тверской земли и сам уйдёт, как когда-то уходили тверичи из-под Москвы. Он, несомненно, понимал, что Узбек не простит ему победу над Юрием. Он ждал, ждал и не выдержал, когда, по-видимому, узнал, что, отягощённые награбленным и пленными, враги расслабились. И 22 декабря 1317 г. близ с. Бортенево, как считают, примерно в 40 км от Твери, воины Михаила напали на противника и наголову разгромили его. С немногими людьми Юрию удалось бежать, он бежал в Новгород, потому что путь в Москву был ему отрезан. Всё, что имелось в московском стане, досталось победителям. Среди пленных оказался младший брат Юрия, Борис, в добавление к пленённому ранее Афанасию. В плен попала и Кончака — Агафья, жена Юрия и сестра Узбека. У русских правителей не было привычки возить жён с собою во время военных походов. Юрий явно перенял её у ордынцев и поплатился за это.

Неясно, участвовали ли татары в сражении. По тверским летописям, татары «стяги свернули», по-видимому, в знак своего неучастия, однако осталось неизвестным, когда это произошло: до начала сражения или в ходе его, когда тверичи стали побеждать или даже когда в ходе боя налетели на татар. Неизвестно также, наказывал ли Узбек Кавгадюю участвовать в военных действиях. Как бы там ни было, ясно, что Михаил прекрасно понимал опасность прямого столкновения с татарами и их разгрома, иначе на другой

день после сражения он не стал бы заключать мир с Кавгадыем, после чего Михаил пригласил Кавгадыя с его отрядом гостить в самой Твери.

Пока Михаил привечал и задаривал Кавгадыя, Юрий собрал новгородское войско, и оно двинулось к тверскому рубежу. Но стоило тверичам выступить навстречу, как битые не единожды новгородцы вместо сражения предложили вести переговоры, — за их спинами стоял сам Юрий. Михаил согласился на переговоры и проявил великодушие. Он, наверное, понимал, что разорённому княжеству, даже при наличии войска, показавшего своё боевое превосходство над противниками, долго не устоять против Москвы и Новгорода, чьи силы и средства ещё не были столь подорваны. Он не исключал также какого-то участия Орды в поддержку его противников. Михаил принял условия новгородцев и Юрия: освободил всех пленных новгородцев и москвичей, включая братьев и жену Юрия; разрешил Юрию возвратиться в Москву проездом через тверскую землю; согласился вместе с Юрием поехать в Орду на суд Узбека.

На беду Михаилу в Твери внезапно умерла Кончака-Агафья. Подлинная причина её смерти осталась неизвестной. Враги Михаила тотчас заговорили о том, что Агафья отравлена по приказу Михаила. Это обвинение — ложно, ибо у Михаила в его положении не было ни малейшего повода губить злостную Агафью. Скорее всего, виновниками смерти Агафьи были недруги Михаила, жаждавшие усугубить его преступность в глазах Узбека, а невольными исполнителями приказа недругов стали какие-то люди из челяди, обслуживавшей Агафью. Если кого-то подозревать, то более вероятно, что в смерти Агафьи почему-то был заинтересован Кавгадый или кто-то из его людей. Находясь в Твери в гостях у Михаила, Кавгадый и его люди наверняка встречались с Агафьей и её окружением.

Едва оба князя приехали в Орду, как Юрий и Кавгадый принялись ожесточённо обвинять Михаила в смерти Агафьи и в других винах, среди которых главная состояла в том, что он, «собрав много дани», хотел уйти «в Немцы», — и тогда связь с границей служила очень грозным обвинением. Роль главного обвинителя тверские летописи отводят «начальнику всего зла, беззаконному и треклятому Кавгадыю, наставляемому и учимому дьяволом»⁴. О заступниках Михаила нет сведений, но они, вероятно, были. По видимому, их влияние на Узбека сказалось в том, что хан не стал торопиться с судом. Узбек неспешно кочевал по степи к востоку от устья Дона. В стане у предгорий Северного Кавказа, «под великими горами Яськими и Черкаськими»⁵, Узбек, наконец, назначил судей из своих приближённых. Суд был

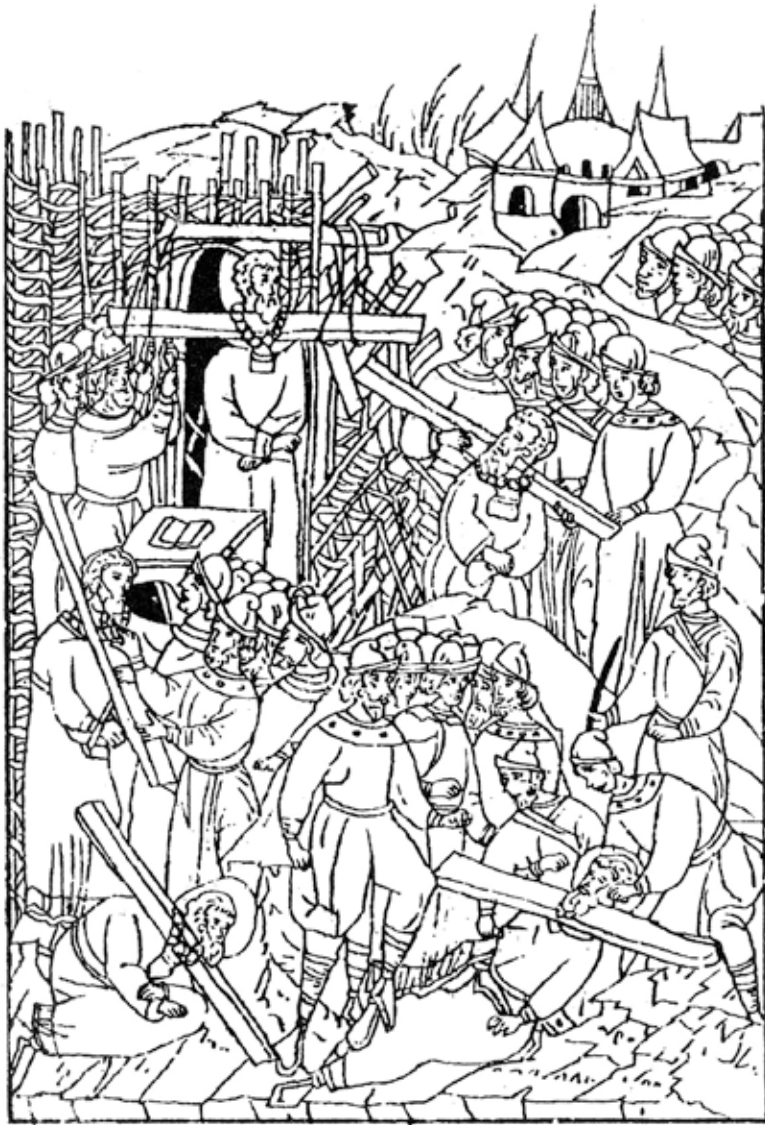
скорым и облыжным. Михаил защищался один, без какой-либо поддержки, и неясно, допускались ли по ордынским правилам защитники и свидетели со стороны обвиняемого. Михаил опровергал все обвинения, но судьи не пожелали внять его речам. Михаила осудили на смерть.

Ему на шею надели колодку, «соху из тяжкого дерева», как она названа в Тверской летописи⁶. Даже имея свободные руки и ноги, человек в колодке передвигался с большим трудом. Колодку монголы позаимствовали, наверное, у китайцев. Ещё в начале XX в. в Тибете, Китае и Монголии на обвинённого в чём-то человека продолжали надевать колодку. Там, видимо, высоко ценили железо и скупались использовать его на цепи, в которые издавна заковывали в русских землях. Надевание колодки русские воспринимали, вероятно, как способ нарочитых мучений и унижений, иначе в своих письменных источниках они не стали бы уделять много внимания колодке, надетой на шею Михаила.

Почти месяц Михаил носил колодку. И вот, как считают, 22 ноября 1318 г. Юрий и Кавгадый подъехали к жилищу Михаила и послали туда убийц. Те принялись избивать Михаила и топтать его ногами. Один из них всадил нож в грудь Михаила и вырезал его сердце. Так по страстному желанию московского князя Юрия Даниловича погиб в 47 лет его двоюродный дядя.

Уже не как действие, а всего лишь как угроза или желание вырезать у противника «сердце со печенью» или одно сердце довольно часто встречается в русских эпических песнях. Однако сказители последних двух-трёх столетий никак не объясняли, зачем нужно было это совершить. В письменных же источниках это действие описано, насколько известно, только один раз, и именно как расправа над Михаилом Тверским, но и в этом случае отсутствует объяснение, отчего убийство было совершено таким способом. Можно лишь предполагать, что вырезание сердца было обусловлено представлениями о сердце (сердце и печени) как месте сосредоточения силы у человека: лишая противника сердца, исключали возможность восстановления им силы. Вместе с тем тот, кто забирал себе сердце противника, умножал свою силу за счёт силы, сосредоточенной в нём. Мало того, вырезанное сердце предотвращало ответные действия, ибо лишённый сердца противник, по-видимому, уже не имел силы для того, чтобы превратиться в ходячего покойника, способного отомстить убийце⁷.

Тверь, несомненно, была потрясена ужасной гибелью своего князя. Семье Михаила стоило немало хлопот, чтобы добиться от Юрия выдачи тела

рѹбѣицьѣтискоучица вѣежю . ꙗко вѣтѣиша
 стоѡца стѣпома мѣтѣ . и ꙗко похуцати
 ша его за древо ꙗже бѣ на цѣбѣ его . и оудѣ
 риша и мѣтѣи . и ꙗко сломиша и на стѣ
 поу . и ꙗко сломиша и шежа . о и ꙗко скоучи .
 и мѣтѣи зне мѣше его по рѹтѣго ша на землю .
 ꙗ ꙗко ша моучи пѣ . о и ꙗко ша мѣтѣи на х
 его . и ꙗко ша мѣтѣи ꙗ ꙗко ша мѣтѣи ꙗ ꙗко

Михаила. В конце концов, тот согласился обменять тело Михаила на тело Агафьи. Прошёл почти год со дня казни, прежде чем тело Михаила нашло своё упокоение в тверском соборе.

Богатыми похоронами Агафьи Юрий вряд ли уlestил Узбека. Смерть Агафьи перечеркнула надежды и планы обоих. Оставшись без потомства от Агафьи, Юрий уже не мог мечтать о выгодах кровного родства с Чингизидами. Узбек, утратив те же намерения, наверное, разочаровался в Юрии и стал задумываться над выбором иного ставленника из числа русских князей.

Стол тверского князя унаследовал старший сын Михаила — Дмитрий, по прозвищу Грозные Очи. Его братья — Александр, Константин и Василий — получили по большому уделу. В Твери, конечно же, помышляли об отомщении, но до поры до времени ограничивались выжиданием. Юрий в свою очередь, наверное, ожидал отомщения и предпринимал какие-то шаги, для того чтобы его отсрочить или даже предотвратить. Одним из таких шагов стала свадьба в начале 1320 г. 13-летнего Константина Михайловича и Софьи, дочери Юрия от первого брака. Выдавая Софью замуж за младшего сына Михаила, Юрий и Иван Даниловичи преследовали те же цели, какие имел в виду Узбек, поднимая Юрия до уровня своего шурина, и вместе с тем они, по меньшей мере, оттягивали возможную войну между Тверью и Москвой. Молодых обвенчали в Костроме, подальше от Москвы и Твери, где обе стороны могли ожидать внезапных ссор и даже кровопролития.

Тем временем по русским княжествам прокатилась какая-то эпидемия, летописями, как обычно толком не описанная и потому не опознаваемая. Даниловичи ходили походом на Рязанское княжество, и без того страдавшее от частых татарских набегов и, очевидно, помимо военной добычи, что-то убавили от Рязани для округления своих владений. Юрий тщетно добивался от Узбека милостивого изволения прибавить к Москве Нижегородское княжество, где умер свой Рюрикович. Другие русские князья, по-видимому, в подробностях знали о горестной судьбе Рязанского и Тверского Рюриковичей. Они настороженно относились к Юрию и не спешили сдавать ему ордынскую дань. Судя по тому, что летописями отмечено появление в 1321 г. татарских сборщиков дани в ряде русских городов, можно полагать, что Юрий не справлялся с ролью главного сборщика.

События следующего 1322 г. были связаны именно со сбором ордынской дани. Местные правители, по-видимому, предпочитали прямое участие ордынцев в сборе дани, как это было десятилетиями раньше, нежели сдачу дани Юрию. Тверские князья тоже медлили передать Юрию ордынскую дань. И он

о землю . тѣмъ кнѣзю спѣсено кнѣзѣи .
и поспѣшенъ въ торѣ елисохоуши . тѣ
ѣднѣи хъ гнѣхъ прѣнде и менѣи хъ романецѣ .
и мѣи по жѣ пѣрѣи оу дарни хъ и лѣи по жѣ
прѣбраѣго пѣ дѣсноу ю спраноу . и пѣи кн
обратни пѣи по жѣ стѣмо и по памон зѣи
за пѣи тѣмъ дрѣхъ зѣи . тѣи чѣи оу доброу .
онѣи пѣи зопи гла со мѣ пѣрѣи мѣ . и и
зпоустни дѣхъ мѣи по жѣ ра . іѣи .

вознегодвал. Пойти походом на саму Тверь он не решился. Он выбрал целью Кашин, где княжил младший из Михайловичей Василий — кашинцы отказывались отдать дань и ордынскому сборщику. Все братья Михайловичи дружно выступили на помощь кашинцам. Объединённое тверское войско стало на пути московского. Однако обе стороны удержались от решительного сражения. Юрий, возможно, не преувеличивал боевитость своих воинов и опасался нового разгрома. Тверские князья, в свою очередь, не желали себе поражения, но и не жаждали разгрома ханского шурина, после которого могло последовать татарское нашествие. Поэтому, под уговоры церковников, тверские князья согласились уплатить Юрию 2 тысячи гривен серебра в счёт ордынской дани.

Едва Юрий получил от тверичей серебро, как узнал, что Узбек, недвольный сбором дани, отправил к нему «лютого посла» Ахмыла с большим конным отрядом. По пути Ахмыл походя разорил Нижний Новгород и Ярославль, наверное, не считая каких-то мелких поселений. Он водворился во Владимире и потребовал к себе Юрия. А тот от беды подальше бежал в Великий Новгород и притом не забыл увезти с собой тверское серебро.

Узбек уже знал о бегстве шурина, когда осенью того же 1322 г. в Орду приехал Дмитрий Михайлович. Он, естественно, одаривал Узбека и его приближённых и, разумеется, жаловался на Юрия, но только ли это поспособствовало неожиданному возвышению молодого князя, трудно сказать. Может быть, Узбек подумывал и о том, чтобы хоть как-то возместить Дмитрию утрату казнённого отца. Как бы там ни было, но Узбек вдруг передал Дмитрию ярлык на великое княжение Владимирское.

О деяниях Юрия в Новгороде в качестве служилого князя кое-что известно. О том же, как княжил Дмитрий и, главное для Орды, как справлялся с доверенной ему ролью сборщика ордынской дани, по существу, сведений не сохранилось. Неизвестно также, что сделал Дмитрий для возвышения Твери среди русских княжеств, удавалось ли ему объединять хотя бы часть Рюриковичей.

По воле Узбека оба князя оказались в Орде в 1325 г. Но Узбек не успел провести разбирательство. Произошла встреча Юрия и Дмитрия. Известен лишь роковой исход встречи этих троюродных братьев. Он был явно обусловлен и тем, что встреча произошла накануне годовщины казни Михаила Тверского. Оба князя помнили об этом и, наверное, вспомнили во время встречи. Дмитрий убил Юрия — так скупо о встрече сообщают летописи. Убил, несомненно, по молодости, сгоряча, в гневе, а Узбек мог простить убийство сородича только самому себе. Дмитрий был схвачен, почти 10 ме-

Тогда князю и князю и данило и чумоскоу
сїи . пошесть зати и тѣло его и положн
тн на доскоу . и покрыти . таже по ло
жи шлегонати тѣлоу и прица зашла оужн
крѣпко . и пошезоша зарекоу глемоу ю
дѣжъ . ѿже зоше пегорестъ . и поше въ
двѣматрѣщн его іегдѣ въношь ѡвѣтъ
нхъ стѣра ноужасъ ѡелн . и неможаше
терпѣтн ѡвѣжаша ѡстѣны

сяцев томился на положении преступника и носил такую же колодку, какую носил его отец. Дмитрия казнили по старому монгольскому обычаю, без пролития крови, переломив хребет, — по способу умерщвления его уравнили с Чингизидами. Казнь совершилась 15 сентября 1326 г., накануне дня, когда Дмитрию исполнялось, по разным источникам, 26 или 28 лет. Надо думать, в Орде, наверное, знали о его дне рождения.

Отрешая Дмитрия от власти, Узбек должен был передать кому-то другому ярлык на великое княжение Владимирское. Выбор был ограничен. Узбек, по-видимому, ещё не доверял Ивану Даниловичу, обычно известному по прозвищу Калита, хотя тот часто и подолгу бывал в Орде, обхаживая Узбека и его приближённых. Не слишком мудрствуя, Узбек дал ярлык на великое княжение 25-летнему Александру, следующему сыну Михаила Тверского, и тем закрепил на будущее соперничество Твери и Москвы. А чтобы Александр не своевольничал, Узбек послал в Тверь своего двоюродного брата Щелкана.

В отправке ордынского представителя к русскому князю не было ничего необычного. Узбек неизменно прибегал к этому и наверняка полагал, что оказывает Александру высокую честь, посылая к нему двоюродного брата, а не кого-нибудь из приближённых помельче. Сомнительно, что Александр разделял мнение Узбека и испытывал радость от того, чтобы находиться под постоянным наблюдением Щелкана, но перед Узбеком он должен был изобразить несказанную радость и нижайше благодарить за оказанную честь.

По летописям можно заметить, что ордынского представителя непременно сопровождает отряд воинов. Неизвестно, были ли это воины личной дружины, которую ордынец холил и лелеял за свой счёт, или же они принадлежали к некоему подразделению постоянной армии самого хана. Так же неизвестна численность этого вооружённого сопровождения. Неизвестно и о том, менялась ли численность ордынского отряда в зависимости от ранга представителя или от предстоящего случая применения воинов. Все расходы по содержанию ордынцев несли, разумеется, жители того места с округой, где ордынцы благоволили расположиться. Можно не сомневаться в том, что ордынцы не довольствовались какими-то нормами их содержания даже тогда, когда об этих нормах с ними договаривались. Чувствуя себя господами, а то и высшей расой⁸, ордынцы забирали себе всё, что им хотелось или приглянулось, и походя убивали тех людей, кто пытался этому препятствовать⁹. Чем больше была численность отряда при ордынском представителе, тем, надо думать, разнuzданнее вели себя ордынцы. Пребывание

ордынцев превращалось в очень тяжкое бремя, и это в добавление к ордынской дани и к местным податям. Сколь велик был отряд воинов у Щелкана, можно только гадать. Но ясно, что по своим повадкам его люди ничем не отличались от ранее приходивших на Русь воинов ордынских отрядов. Оказавшись в Твери, Щелкан и его охрана вряд ли были намерены считаться с напряжением, которое там царило.

Узбек испытывал тверичей на покорность. Может быть, он совершенно пренебрегал состоянием умов тверичей, удручённых разорением княжества и гордых своими победами над противниками, сохранивших боеспособные силы и ожидающих от ордынцев любых каверз, включая нашествие. А, может быть, Узбек был довольно проницателен и предвидел взрыв — выступление. В таком случае он вполне осознанно жертвовал Щелканом с его отрядом, чтобы затем получить повод для нашествия, должного уничтожить независимые от него военные силы тверичей и, таким образом, преподать очередной урок всем русским землям. Замыслы Узбека неизвестны, но испытание, навязанное им тверичам, очевидно. Тверичи этого испытания не выдержали.

Летописи о восстании в Твери в 1327 г.

Тверских летописей уцелело очень мало, и это не удивительно. Самую раннюю из них, именуемую «Рогожским летописцем», датируют 40-ми гг. XV в., — иначе говоря, её список появился на свет спустя сто с лишним лет после восстания. Люди, переписывавшие летопись, за это время, наверное, нередко что-то сокращали или передавали иначе, делая это по требованию заказчиков из социальной верхушки, а то и по собственному разумению, но тоже из желания угодить будущему владельцу летописи.

Вот в «Рогожском летописце» написано под 6833 (1325) г.: «Той же зимой князь Юрий убиен бысть в Орде»¹. Человек, написавший это, не мог не знать обстоятельств убийства, однако не раскрыл их. Намеренность умолчания видна и в следующей затем записи: «В лето 6834 (1326) сентября 15 убили в Орде князя великого Дмитрия Михайловича Тверского»². Написавшему, похоже, было важно подчеркнуть, что убийства происходили в Орде, — тогда будущий читатель, не знающий обстоятельств этих убийств, станет полагать, что убийства совершались ордынцами, и удовлетворится этим своим суждением. Описание борьбы московского князя Юрия Даниловича с тверскими правителями стало в XV в. явно нежелательным, зато о кознях Орды дозволялось писать смело. И под той же датой, через учтливую фразу о построении церкви не где-нибудь, а в Москве, «Рогожский летописец» воспроизводит рассказ о восстании в 1327 г., пространный настолько, что учёные книжники XX в. назвали его прямо-таки «Повестью о Шевкале»:

«Того же лета князю Александру Михалковичу дано княжение великое, и пришёл из Орды, и сел на великое княжение. Потом, спустя мало дней, для умножения грехов наших, Бог попустил диаволу вложить зло в сердце безбожным татарам [, чтобы] говорити беззаконному царю [Узбеку]: «Если не погубишь князя Александра и всех князей русских, то не будешь иметь власти над ними». И беззаконный, проклятый и всему [злу] начальник Шевкал, разоритель христианский, отверз уста свои скверные, начал говорить, диаволом учимый: «Господин царь, если мне велишь, я еду в Русь и разорю христианство, а князей их поубиваю, а княгинь и детей к тебе приведу». И повелел ему царь сотворить так.

Беззаконный же Шевкал, разоритель христианский, пошёл в Русь со многими татарами, пришёл на Тверь и прогнал князя великого со двора его,

а сам стал на князя великого дворе с большой гордостью; и воздвиг гонение великое на христиан насильством и ограблением, и избиением, и поруганием. Люди же, гордостью повсегда оскорбляемые от татар поганых, жаловались многожды великому князю, дабы их оборонил; он же, видя озлобление людей своих, не могши оборонити, терпеть им велел; и сего не терпели тверичи, а искали удобного случая.

И бысть в 15[-й] день месяца августа, в полутра, как торг начинается, некто диакон, тверитин, прозвище ему Дюдко, повёл кобылицу, младую и зело тучную, поить на Волге водою; татарове же, увидев, отняли её. Диакон же загоревал и зело начал вопить, говоря: «О, мужи тверские, не выдайте!» И бысть между ними бой; татарове же, надеясь на самовластие, начали сечу, и тотчас стеклись человеки, и возмутились люди, и ударили в колокола, и встали вечем, и поднялся весь город, и весь народ тотчас собрался, и бысть в них замятня, и кликнули тверичей, и начали убивать татар, где кого застали, пока и самого Шевкала не убили и всех подряд. Не оставили и гонцов, разве что [уцелели] пастухи, коней пасущие, и [они] похватили лучших жеребцов и скоро бежали на Москву, и оттуда в Орду, и там возвестили кончину Шевкалову»³.

Этот рассказ позже переписывался, по-видимому, не один раз. С незначительными изменениями он воспроизводился и в «Тверской летописи» даже в XVII в.⁴ За пределами тверских изводов этот рассказ не встречается. Поэтому его можно уверенно считать тверской версией описания восстания в 1327 г.

Этот сильно христианизированный рассказ недостаточно отделан. В повествовании заметны недоговоренности и противоречивость утверждений. В самом деле, не блещет логикой предложение Шевкала погубить русских князей ради того, чтобы иметь власть над ними: ордынцам, разумеется, не нужна была власть над покойниками.

Далее Шевкал изменяет своё обещание Узбеку: он намерен поубивать князей, а княгинь и их детей привести в Орду. Это намерение очень похоже на угрозу или на ультиматум былинного Калина-царя (Кудреванки, Скурлы и т.п.), подступившего под Киев. Фразу об этом намерении Шевкала можно вполне принять за краткое воспроизведение былинной угрозы этнического противника, что в свою очередь позволяет полагать, что эта эпическая угроза содержалась в былинах уже в 40-е гг. XV в.

Наряду с этим автор, увлѣкшись написанием злодейских намерений Шевкала, совершенно забыл о корысти и Шевкала, и Узбека. Читая обе-

щания Шевкала Узбеку, можно подумать, что их ничуть не беспокоило непрерывное поступление дани, сопровождаемое богатыми подношениями ордынской верхушке.

По летописи, оказавшись в Твери, Шевкал забыл о своём обещании и ограничился тем, что изгнал князя с его подворья. Вместо того, чтобы убивать князя и увести его семью в Орду, татары, очевидно, с ведома Шевкала, принялись грабить и вымучивать простых тверичей.

Летописец настойчиво, не скупясь на выражения, именует Шевкала врагом христианской веры. Это вроде бы похоже на правду, если знать, что Узбек беспощадно насаждал в Орде ислам, и полагать, что его двоюродный брат, получивший назначение в Тверь, не мог — хотя бы для вида — не представляться мусульманином. Однако, подчёркивая враждебное отношение Шевкала к христианству, летописец не потрудился подтвердить это описанием соответствующих поступков. Летописец как будто бы не знал, что Узбек, следуя завету Батыея, невзирая на то, что сам кровью насаждал ислам в Орде, проявлял исключительную терпимость по отношению к русской православной церкви.

Как раз незадолго до поездки Щелкана в Тверь Узбек дал митрополиту Петру ярлык, в котором тщательно расписаны наказания всем представителям ордынской власти и всем ордынцам («всем людям высоким и нижним, малым и великим нашего царства, по всем нашим странам, по всем нашим улусам»), как вести себя по отношению к русской церкви. В ярлыке решительно объявляется: «Да никто же [не] обидит на Руси соборную церковь митрополита Петра и его людей, и церковных его; да никто же [не] взимает ни стяжаний, ни имений, ни людей». Там прямо и подробно говорится об освобождении церкви от каких-либо податей и пошлин: «а мы Божия брежём, и даннаго Богу не взимаем: а кто взимает Божия, и тот будет Богу повинен; а гнев Божий на него же будет, а от нас будет казнён смертною казнью»⁵. Как бы ни относился Щелкан к православию, он не мог позволить себе какие-либо поступки вопреки наказам хана. Рисую Шевкала врагом христианской веры, летописец в действительности уводил читателя от существа конфликта между Ордой и Тверью, представлявшей тогда Русь в лице великого князя.

Приведённый рассказ о восстании в Твери послужил летописцу зачином для последующего описания многолетних приключений и испытаний князя Александра Михайловича, сразу после восстания бежавшего из Твери. Летописец старался оправдать Александра во всех поступках. Так и в рассказе о восстании, стараясь подчеркнуть бездействие князя, летописец был вы-

нужден рассказывать о простых тверичах, о их возмущении и решающих, без какого-либо участия князя, действиях по истреблению татар.

Летописцы, как правило, вообще очень неохотно и обычно кратко описывают какие-либо действия социальных низов. Своё внимание они неизменно сосредоточивают на деяниях и передвижениях представителей социальной верхушки, — нынешние борзописцы, говоруны и вещуны в этом отношении их прямые последователи. Привлекая летописи, историки принуждены писать тоже преимущественно о социальной верхушке. И здесь, рассказывая о предыстории тверского восстания и о самом восстании, поневоле приходится писать о социальной верхушке на Руси и в Орде, ибо в летописях о народе зачастую не было принято даже вспоминать. Тем важнее на фоне распространённого умолчания становится приведённый рассказ из «Рогожского летописца».

Сравнивая этот рассказ с уральской песней о Щелкане, очень трудно найти точки соприкосновения между ними. Летописец отрывочно и потому невнятно написал о вокняжении Александра и приезде Шевкала в Тверь. Он не посчитал непременно сказать, кем было «дано княжение великое» Александру, отчего он пришёл из Орды, почему вскоре после этого «диавол» надумил Шевкала сказать Узбеку о необходимости погубить русских князей, — ничего подобного этому нет в уральской песне, она совсем не знает ни об Александре, ни об отношениях между русскими князьями и Ордой. В летописи Шевкал изображён врагом христианской веры — песня не содержит никаких намёков на знание христианского вероучения её создателями. В летописи Шевкал намерен губить русских князей — в песне Щелкану нужна Тверь богатая, очевидно, для того, чтобы попользоваться её богатством. Летопись не знает ужасного испытания кровью сына, какое в песне Щелкану назначил Азвяк, хотя казалось бы кому как не «учимому диаволом» Шевкалу вполне подходило бы заколоть собственного сына и выпить его крови.

В летописи Шевкал приезжает в Тверь с некоторым числом воинов — в песне Щелкан показан чванливой одиночкой. В летописи татары грабят и бесчинствуют в Твери — в песне этим же занимается сам Щелкан: лишь в этом упоминании, переданном по-разному, совпадают летопись и песня. В летописи возмущение тверичей началось со стычки дьякона с татарами и переросло во всеобщее восстание — в песне горожане обращаются за посредничеством к неким братьям Борисовичам, которые пытаются умиротворить Щелкана, но раздорились с ним и разорвали его. Очевидно, что летописец и создатели песни принадлежали к разным социальным средам.

Вряд ли летописец пользовался неким первоисточником. За сто с лишним лет изначальный летописный текст, наверное, не единожды переписывался и при этом редактировался. Но и песня, попавшая просвещённым людям спустя 400 с лишним лет после своего создания, также не могла не измениться, что-то навсегда утратив и что-то, напротив, заполучив.

Тверская версия описания восстания, естественно, не получила распространения и, следовательно, поддержки. Дошедший до нашего времени список Лаврентьевской летописи датируется 1377 г., то есть он подготовлен всего лишь полвека спустя после восстания, — это самый ранний летописный список из всех сохранившихся летописей. Там событию уделено начало фразы: «...того же лета и Шевкала убиша на Твери...», а далее кратко сообщается о том, как Иван Данилович с татарами «пленил град Тверь и всей земле много зла сотворили, а князь Александр бежал во Псков»⁶. Тут попросту совершенно снято описание обстоятельств убийств. В Москве, конечно же, знали о событиях в Твери и сложили о них свою версию, которая, скорее всего, уже существовала в письменном виде и до приготовления списка 1377 г. Кроме этого списка, других московских списков того же времени, где бы описывалось восстание в Твери, явственно не сохранилось, быть может, потому, что нашествием Тохтамыша Москва была сожжена в 1382 г.: в огне сгорели и многие накопившиеся к тому времени рукописи и деловые архивы.

Московская версия тверского восстания всё же уцелела в каких-то летописных списках, подтверждением чему служит т.н. «Московский летописный свод конца XV в.» В нём использован один из предшествующих ему списков и притом без изъятия рассказа о восстании в Твери. Этот рассказ приведён под тем же 6835 (1327) годом и имеет заголовок «Щолканова рать»:

«Того же лета пришёл из Орды посол силён на Тферь именем Щолкан со множеством татар, и начали насилие великое творить, а князя Александра Михайловича и его братию хотели забить, а сам сесть хотел во Тфери на княженьи, а иных князей своих хотел посадить по иным городам русским, и хотели привести христиан в бесерменьскую веру. Бывши он во граде Тфери на самый праздник Успенья Богородицы, и хотел тогда всех тут перебить, собрал тут весь град праздника ради Пречистыя. Не улучил же мысли своей окаянный, и помиловал Бог род христианский от сыроядцев, — увидел (!) мысль окаянного князь Александр Михайлович и созвал к себе всех тферичей, и, вооружившись, пошёл на Щолкана, рек: «Не я почал убивать, но он, Бог да будет отместник крови отца моего князя великого Михаила и брата моего Дмитрия, ибо пролил кровь без правды, да те-

перь и мне это же сотворит». И пошёл на них. Щолкан же, слышав идущего на него князя Александра войною, вышел против него со множеством татар своих. И столкнулись на восходе солнца, и бились весь день, и уже к вечеру одолел князь Александр, а Щолкан побежал на сени. Князь же Александр зажёт сени отца своего, и двор весь, и сгорел Щолкан и со прочими татарами, а гостей Хопыльских (?) порубил. Бысть же это месяца августа в 15[-й день] на Успенье Богородицы»⁷.

В этой московской версии, в отличие от тверской, не раскрывается, с ведома ли Узбека Щелкан приехал в Тверь, получил ли он от хана милостивое дозволение убивать русских князей. Её авторы соглашаются с создателями тверской версии в том, что Щелкан намеревался перебить князей, заменить их собой и своими людьми и насадить «бесерменскую» веру — и в этом заключается единственное совпадение тверской и московской версий: в Москве, очевидно, читали какую-то тверскую летопись. Однако этим москвичи не удовлетворились. Они развили мотив намерений Щелкана. У них он уже захотел перебить всех горожан, для чего принялся собирать их вместе. Его коварный замысел разгадал князь Александр, который решил предупредить избиеание горожан. Князь сам возглавил тверичей и произнёс перед выступлением удивительную речь. В ней Александр возлагает на Бога своё желание отомстить за казнённых в Орде его отца и брата. Он склоняется считать, что в их смерти виновен Щелкан, вознамерившийся теперь убить и его, и потому выступает против Щелкана. И уже не вспыхнувшее стихийно народное восстание, как в Тверской версии, а сражение войска против войска длится с восхода солнца до вечера, пока Александру не удалось сжечь Щелкана с остатками татар.

Описывая Александра в качестве изначального предводителя анти-татарского выступления, авторы московской версии, таким образом, возлагали вину перед Ордой именно на него. Тем самым они обеляли своего князя Ивана Калиту, который по приказу Узбека принял деятельное участие в последовавшем разгроме Твери, показательном для всех русских земель. Вместе с этим они по существу оправдывали и следующие походы Калиты, должные опять же по приказу Узбека привести к поимке Александра.

Сопоставляя тверскую и московскую версии, допустимо предполагать, что восстание в Твери началось стихийно, вопреки желанию князя Александра. Оно быстро стало всеобщим, и это вынудило Александра каким-то образом разделить участие с восставшими. Уже только можно гадать, позволил ли Александр своей дружине организованно выступить на стороне

восставших, сам ли возглавил тверичей в какой-то момент или оставался в тени, действуя через доверенных людей. Александр, конечно же, помнил о казнённых отце и брате; он только что получил от Узбека ярлык на великое княжение; он, несомненно, опасался нашествия и не желал себе казни — такие соображения должны были удерживать Александра от уничтожения Щелкана с его отрядом, быть может, до тех минут, когда часть татар в ходе стихийного сражения напала на пристанище, где он находился, и он поневоле стал защищаться, после чего как-то поддержал тверичей.

О восстании в Твери авторы московской версии, несомненно, знали много больше, чем потрудились написать. Отталкиваясь от неких письменных источников и устных рассказов, они сплели свой текст, в котором почти ничего не оставили от известного им. Самое примечательное в их версии — это строчки о гибели Щелкана в огне. Насколько известно, не открыто независимых источников, подтверждающих этот факт московской версии. Видимо, поэтому историки последних двух столетий вынуждены принимать его за подлинный факт, без каких-либо оговорок и пояснений.

В составе основного ядра летописных известий московская версия благополучно просуществовала не менее двух столетий, с конца XV в., преимущественно в XVI и порой даже в XVII в. Её более или менее усердно воспроизводили во многих других, местных летописях, благодаря чему она стала господствующей⁸. Одна из последних, если не самая последняя, редакций этой версии создавалась тоже в Москве, спустя два столетия. Она запечатлена Патриаршей или, иначе, Никоновской летописи, под тем же 6835 (1327) годом:

«Пришёл в Тверь посол силён зело — царевич Щелкан Дюдeneвич из Орды, от царя Азбяка; был же он братанич царю Азбяку, хотел князей тверских перебить, а сам сесть на княжество в Твери, и своих князей татарских хотел посадить по русским городам, и христиан хотел привести в татарскую веру. И мало дней прибывал он в Твери, много зла сотворилось от него христианам; и приспел день торжественный [торговый — Ю.С.], а ему хотелось своё творить в собрании людей; уведал же о сём князь великий Александр Михайлович, внук Ярославль, и созвал тверичей, и вооружившись пошли на него; а Щелкан Дюдeneвич с татарами против него вышел, и сошлись оба на восходе солнца, и бились весь день, и едва к вечеру одолел Александр, и побегал Щелкан Дюдeneвич на сени, и зажгли под ним сени и двор весь княжий Михайлов, отца Александра, и тут сгорел Щелкан и с прочими татарами. А гостей Ордынских, старых и новопришедших, кои с Щелканом

Дюденеви́чем пришли, хотя и не билися, но всех их порубили, а иных перетопили, а иных, в поленницы дров склавши, сожгли.

Услышал же это царь Азбяк Ордынский, и разгорелся яростию великою зело, и во многой скорби и печали был по братаничу своему Щелкану, и рыкал аки лев на тверских князей, хотел всех истребить и вообще всю землю Русскую пленить, и послал на Русь за князем Иваном Даниловичем Московским...»⁹

Сохраняя в основе утвердившуюся московскую версию, создатели этого текста посчитали необходимым пояснить вначале, кем был Щелкан. Они сняли речь Александра перед выступлением против Щелкана и этим лишили его героизации. Зато они подробнее описали расправу тверичей даже с ордынскими купцами («гостями»): возможно, им хотелось подчеркнуть безмерную жестокость тверичей, однако, если расправа была именно такой, её можно объяснить степенью ожесточения восставших, доведённых до этой крайности притеснениями и грабежами. Они, наверное, вполне самостоятельно придумали красочное описание чувств, испытанных Узбеком при вести о гибели Щелкана. При этом они, незаметно для себя, создали противоречие: у них Узбек жаждёт «всех истребить» и притом «всю землю Русскую пленить», а для этого он хочет действовать через Ивана Калиту. Ему он поручает исполнение своей воли. Это означает, что в действительности речь должна была идти не о всей Русской земле, приносящей Орде богатую дань, а о возмездии восставшей Твери.

Исходя из своих интересов, оценили события в Твери новгородцы. В их летописи по списку рубежа XIV–XV вв., под 6835 (1327) г. помещено скупое и отрывочное сообщение:

«Того же лета, на Успенье Святыя Богородица, князь Александр Михайлович перебил много татар во Тфери и по иным городам, и торговцев, гостей Хопыльских [?], вырубил: пришёл посол силён из Орды, именем Шевкал, со множеством татар. И прислал князь Олександр послов к новгородцам, хочет бежать в Новгород, и не приняли его»¹⁰.

При сличении можно заметить перекличку новгородской записи с текстом в «Московском летописном своде конца XV в.». Новгородцы определённо имели в своём распоряжении не одни устные рассказы, прежде чем внесли в летопись запись о событиях в Тверской земле. На рубеже XIV–XV вв. у новгородцев уже имелся и какой-то письменный текст о Шевкале, полученный из Москвы. Им, скорее всего, был список некой московской летописи, одной из тех, которая послужила материалом для составления «Московского

летописного свода конца XV в.». Новгородская запись, стало быть, свидетельствует о том, что московская версия описания восстания Твери существовала уже на рубеже XIV–XV вв., а это даёт основания думать, что московская версия создавалась ещё раньше, при Иване Калите и в оправдание его действиям.

В новгородской записи более всего интересно беглое упоминание о том, что, помимо Твери, татары были перебиты и в других городах Тверской земли. Тем самым утверждалось, что восстание охватило всё княжество. В других известных письменных источниках о таком масштабе восстания не говорится, поэтому утверждение новгородской записи нельзя считать несомненным. Вместе с тем нельзя и не признать, что неизбежным следствием восстания в Твери должно было случиться изгнание или истребление татар в других тверских городах, если, конечно, они там в каком-то числе находились.

Не обстоятельства, при которых произошло восстание, и не сам ход восстания, а то, к чему оно привело, посчитали достаточным отметить в своей летописи деловитые новгородцы: если в Твери перебиты татары, то надо ожидать татарского нашествия; если в Твери перебиты ордынские купцы, то Тверь перестает соперничать с Новгородом по части торговли с Востоком.

Новгородцы, конечно же, хорошо помнили о старых обидах и поражениях, нанесённых тверскими князьями, и уже поэтому не желали Александру какой-нибудь поддержки. Они быстро сообразили, каких последствий надо ожидать, если Новгород вздумает поддержать Александра. Отказав великому князю Владимирскому Александру Михайловичу, новгородцы не мешкая приняли наместников, присланных московским князем Иваном Даниловичем. Они внимательно наблюдали за тем, как москвичи вместе с татарами опустошали Тверскую землю, и вовсе не хотели, чтобы нашествие захлестнуло и Новгородчину. Поэтому, очевидно, без колебаний в Новгороде приняли ордынских послов, выдали им 2000 гривен серебра и проводили их вместе со своими послами и «с множеством даров» к ордынским предводителям, разорявшим Тверское княжество. Несколькими годами раньше, как упоминалось выше, Юрий Данилович с трудом добился от тверских князей выдачи 2000 гривен серебра в счёт дани, какую ордынцы определили для города Кашина. По богатству Кашин и Новгород просто несопоставимы. Сметливые новгородцы сумели умиловить ордынцев тем же весом серебра, какой отдали за Кашин тверские князья.

К событиям в Твери иначе отнеслись псковичи. Из сохранившихся списков псковской летописи самый ранний датируют концом XV в. Он был при-

готовлен примерно полтора столетия спустя после событий в Твери и тогда, когда Псков ещё не был полностью зависим от воли Москвы и был уверен в своей недосыгаемости от татарского нашествия. В то время псковский летописец отметил под тем же 6835 (1327) г. происшедшее в Твери, вкратце выделив его суть и увязав с отношением Пскова к нему:

«Князь великий Александр Михайлович Тферский перебил татар в Тфери, Шевкала, князя бесерманьского, и дружину его, а сам с малою дружиною прибежал в Псков, и псковичи приняли его честно и крест ему целовали, что не выдадут его князьям русским (!)»¹¹.

Прошло около 100 лет. Псков уже окончательно подпал под властную руку Москвы, и в списке псковский летописец под 6835 (1327) г. поместил куда более обширное сообщение:

«Великий князь тферский [уже не Владимирский! — Ю.С.] Александр Михайлович побил татар на Тфери, великих послов, Шевкала, князя бесерменского, и дружину его, хотевшей, чтоб он сел во Тфери на княжение, а иных князей бесерменских посажать по городам по русским, хотели привести христиан в бесерменскую веру, а князя Александра с братью его побить. И созвал Александр тферичей, помянул Бога и рек так: «Братья, мужи тферичи, уповаем на милость Божию и стояние дома Святого Спаса, и молитвою Святой Госпоже Богородице честнаго Ея Успения, и молитвою святым новоявленным мученикам земли Русской Борису и Глебу. Не я почал убивать, но он; да будет Бог отместник крови отца моего и брата моего, ибо пролил кровь праведную Михаила и Дмитрия, а теперь и мне то же хочет сотворить и веру в бесерменство превратить», — и пошёл на Шевкала. Он же, услышав идущего Александра, вышел против, и столкнулись на восходе солнца, и бысть сеча зла, и бились весь день, и уже к вечеру одолел Александр; а Шевкал побежал на сени, и зажёл князь Александр отца своего двор, и сторели, а Шевкал, тут же сторев, пропал.

И тогда был же боголюбивый князь Александр юн возрастом, совершен умом, целомудрен душою, поднял немного дружины и поехал во Псковград, и псковичи приняли его честно, и крест ему целовали, и посадили его на княжение»¹².

С мелкими отличиями этот текст был переписан во Пскове и в XVII в. — так он стал каноничным. Сопоставляя его с текстом, известным по списку конца XV в., нетрудно убедиться в том, что сообщение конца XV в. оказалось разделённым на две части. Начальная его часть, о гибели Шевкала, оставлена в начале же текста 60-х гг. XVI в., а другая его часть, о появлении Алек-

сандра во Пскове, от начальной удалена большой вставкой с описанием боя в Твери и оставлена как заключочка, как всё то же окончание сообщения. Присматриваясь к вставке, легко опознать в ней заимствование из летописи типа «Московского летописного свода конца XV в.». Псковскому летописцу не хотелось расставаться с записью его земляка. В то же время он по каким-то причинам был вынужден переписывать текст из московской летописи. Он не отбросил запись своего земляка, а разделил её так, чтобы одна её часть стала зачином для извлечения из московской летописи, а другая часть — заключочкой извлечения.

Примечательно описание князя Александра в конце псковской записи. И спустя столетия псковичи явно продолжали сохранять доброе отношение к Александру. Нахваливая его, они оправдывали своё решение принять его к себе служилым князем. Вместе с тем в похвале Александру можно почувствовать и предложение читателям сравнить этого князя с московскими правителями, прежде всего с Иваном Калитой и с их современником Иваном Грозным.

Как видно по приведённым летописным текстам, более или менее содержательны тверская и московская версии описания событий в Твери в 1327 г. Ход и подробности восстания авторов обеих версий должным образом не интересовали. Важнее этого авторам хотелось назвать зачинщиков или организаторов восстания. Тверская версия настаивает на том, что восстание вспыхнуло стихийно, вопреки желанию князя Александра, — московская версия прямо называет Александра организатором выступления тверичей. В тверской версии слышится отголосок оправданий, которые звучали сразу после восстания, и, вполне вероятно, в речах самого князя Александра, когда, спустя 10 лет после восстания, он всё же приехал в Орду на суд Узбека. У авторов и заказчиков московской версии просматриваются иные оправдания. Им нужно было оправдать своего князя Ивана Калиту, по приказу Узбека возглавившего карательный поход на Тверь, после которого он получил ярлык на великое княжение Владимирское: коль скоро Александр виновен как организатор мятежа против власти Орды, то действия московского князя по восстановлению этой власти правомерны и законны. При всей скупости изложения тверская версия по сравнению с московской выглядит более правдоподобной, — её косвенно подтверждает и уральская песня о Щелкане, ничего не знающая о роли тверского князя.

Обзор летописных сообщений о восстании в Твери в 1327 г. можно было сделать уже к началу 70-х гг. XIX в., но этого не произошло.

Кенозерские записи песни о Щелкане Дудентьевиче

Тем временем на Русском Севере нечаянно открылось живое бытование песни о Щелкане Дудентьевиче. Это обнаружил Александр Фёдорович Гильфердинг. Выпускник Московского университета, автор ряда славянофильских работ, бывший русский консул в Боснии и Герцеговине и действительный статский советник, Гильфердинг увлёкся русскими эпическими песнями и в свободное от государственной службы время отправился их собирать. За одно лето 1871 г. он проехал по многим деревням Заонежья, Выгозера, Пудог и всюду записывал старины — эпические песни: былины, баллады, исторические песни, эпические пародии. В начале августа он проехал с Водлозера через Кенский Волочок на Кенозеро и остановился в д. Немята, где принялся записывать тексты от тех кенозёров, какие приезжали к нему. И вот 12 августа он вдруг услышал странный текст, в котором прозвучало имя Щелкана Дудентьевича. Получивший прекрасное по тому времени филологическое образование, Гильфердинг, разумеется, знал об уральской песне, читывал летописи и труды историков. Он, конечно, заметил, что в услышанном и записанном тексте явно соединены отрывки двух произведений, уже знакомой ему былины о Вольге Всеславьевиче и некоей песне о Щелкане (подробнее об этом см. ниже). Собиратель, очевидно, принялся расспрашивать кенозёров, выясняя, не существует ли отдельной песни о Щелкане. И 15 августа Ирина Денисовна Калитина, 49-летняя жительница Суетин-острова, пропела ему такую песню. Гильфердинг внимательно отнёсся к тексту. По мнению учёных, готовивших к изданию его собрание текстов, он сделал 2 записи песни¹ от Калитиной: первая из них помещена в приложениях², а вторая под №235 включена в основной корпус текстов. Отличия между записями очень мелкие. Калитина твёрдо знала текст, который тут приводится по второй записи:

Щелкан Дудентьевич

Да на стули на бархати
На златом на ременчатом,
Сидел туто царь Возвяг,
Да Возвяг сын Таврольевич,

- 5 Да он суды рассуживал,
 Да дела приговаривал,
 Да князей-бояр жаловал
 Да сёлами-поместьями,
 Города с пригородками.
- 10 Да Фому дарил Токмою,
 Да Ерёму — Новым городом.
 Да любимаго зятюшка,
 Да Щелкана Дудентьевича
 И на дворе не случилось,
- 15 Да уехал Щелканушко
 Во землю Жидовскую,
 Ради дани и выходу,
 Ради чортова правезу
 Он-де с поля брал по колосу
- 20 С огороду по курице,
 С мужика по пяти рублей,
 У кого тут пяти рублей нету,
 У того он жену берёт,
 У кого как жены-то нет,
- 25 Так того самого берёт.
 У Щелкана не выробишься
 Со двора вон не вырядишься.
 Да приехал Щелканушко
 Из земли из Жидовские
- 30 Да к царю на широкий двор.
 Говорит же Щелканушко:
 Да ай же ты, царь Возвяк,
 Да Возвяг сын Таврольевич!
 Ты князей-бояр жаловал
- 35 Да сёлами, поместьями,
 Города с пригородками,
 Да Фому дарил Токмою,
 Да Ерёму Новым городом,
 Да любимаго зятюшка,
- 40 Да Щелкана Дудентьевича
 Подари Тверью-городом,

- Токо Тверью славною,
Токо Тверью богатою,
Двума братцами родныма,
45 Да князьями благоверныма,
Да Борисом Борисовичем,
Да и Митриём Борисовичем.
Да ой же Щелканушко,
Да Щелкан сын Дудентьевич!
50 Заколи чада милаго,
Токо сына любимаго,
Нацеди токо чашу руды,
Токо чашу серебряную,
Да и выпей ту чашу руды,
55 Стоючись перед Звягой-царём,
Перед Звягой Таврольевичем.
Подарю Тверию-городом,
Токо Тверию славною,
Токо Тверью богатою,
60 Двума братцами родныма,
Да князьями благоверныма:
Борисом Борисовичем
Да и Митриём Борисовичем.
Да тутто Щелканушко
65 Заколел чада милаго,
Токо сына любимаго,
Нацедил-де он чашу руды,
Токо чашу серебряную,
Да и выпил ту чашу руды
70 Стоючись перед Звягой-царём.
Перед Звягой Таврольевичем.
Да и тут царь Возвясг
Подарил Тверию-городом,
Токо Тверию славною,
75 Токо Тверью богатою,
Двума братцамы родныма,
Да князьям благоверныма:
Да Борисом Борисовичем

- Да и Митриём Борисовичем.
80 Поехал Щелканушко
Да во Тверь-ту город-от,
Да заехал Щелканушко
Ко родной сестры проститися,
Токо к Марье Дудентьевной:
85 — Да и здравствуй ты, родна сестра,
Да и Марья Дудентьевна.
Да и здравствуй-ко, родной брат,
Уж ты по роду родной брат,
По призванью окаянной брат.
90 Да чтобы тебе, брателку,
Да туда-то уехати
Да назад не приехати.
Да остыть бы те, брателко,
Да на востром копые,
95 На булатнем на ножичке.
Дунай, Дунай, боле вперед не знай³.

Вчитываясь, приходится отметить, что в тексте нет хотя бы вскользь упоминаний об Орде или о татарах, — они совершенно стёрлись. У царя явно нерусские имя и отчество, но кенозерке наверняка не было известно, что так на русский лад переделано имя Узбека, сына Тогрула, правителя Орды в первой половине XIV в. По песне царь с нерусскими именем и отчеством определённо находится где-то на Руси, в кругу князей-бояр, которых ему благоугодно жаловать, причём жалует он их сугубо по-московски, как московские Рюриковичи.

Среди тех, кого Возяг соблаговолил пожаловать, Фома и Ерёма. Имена эти, несомненно, заняты у непутёвых персонажей из ритмизованного ироничного сказа, когда-то широко распространённого в устном бытовании отчасти и благодаря лубочным листкам⁴. Те, кто вставил в песню эти имена, выразили, таким образом, своё ироничное отношение к князьям-боярам. Вместе с тем они уже окончательно сделали русскими пожалованных персонажей.

Возяг пожаловал Фоме и Ерёме Токму, как предположительно в народе называли Торжок, и Новгород (ст. 10–11), а именно эти города ни ордынский хан, ни московские Рюриковичи при всех исторических обстоятельствах

никак не могли пожаловать. Те, кто вставил названия этих городов, наверняка знали об этом и рассчитывали, что слушатели тоже знают об этом, могут оценить насмешку и сказать. Что такое пожалование сродни одариванию вольным соколом в ясном небе. У предшественников певицы ирония была, возможно, более сильно выражена, о чём в тексте напоминают редкие искры насмешки.

Здесь Щелкан определён «любимым зятюшком» Возвяга. В этом, вероятно, сказалось влияние былины типа «Илья Муромец и Калин-царь», где у подступившего под Киев Калина обычно оказывается зять со своим войском, непременно меньшим, чем у самого Калина.

И тут, как и в уральской песне, Щелкана не случилось во время пожалований. Тут он собирал дани-выходы не в Литовской земле, а в Жидовской (ст. 15–16). Условность и такого названия земли очевидна. Оно, скорее всего, позаимствовано из какого-то духовного стиха, где нередко встречается упоминания Жидовской земли, например, в связи с каким-нибудь рассказом на евангельскую тему. Для тех, кто использовал это название, было важно отметить всего лишь значительную удалённость страны, этнически иной, нежели та, в которой живут певцы этого текста и слушатели.

Дани-выходы тут Щелкан собирает по правилам, уравнивающим всех подданных, — плоской шкале, выражаясь деликатным языком нынешних поклонников такого налога. Сопоставляя в этой части кенозерский текст с уральским, легко увидеть, что в кенозерском тексте ничего не говорится о собирании дани с представителей социальной верхушки. Упоминание о князьях-боярах и тому подобных плательщиках отсутствует, оттого, видимо, и получилось описание уравниловки.

Центральная часть кенозерского текста содержит рассказ о встрече Щелкана с Возвягом, от просьбы Щелкана о пожаловании до его отъезда в Тверь (ст. 31–81). Она занимает половину всего текста, и это, несомненно, означает, что ради неё певцы сберегали текст в своей памяти и пели. Наряду с этим она сильно совпадает с соответствующей частью уральской песни. Даже разделённые временем и пространством, певцы очень дорожили её знанием и старались передавать по возможности точнее.

В этой части внимание привлекает настойчивое желание заполучить Тверь вместе с двумя братьями Борисовичами (ст. 40–47). Точно такое же желание выражает Щелкан в уральской песне. В обоих случаях, следовательно, текст усваивался именно с недоговоренностью в отношении братьев. В обоих текстах не хватает по меньшей мере одного стиха, в котором бы явственно произносилось, что в Твери правят (Тверью управляют и т.п.) братья Бо-

рисовичи. Подобный стих почему-то перестал произноситься, но его смысл подразумевался. В отличие от уральской песни, где братья наделены одним отчеством, в кенозерском тексте каждому брату дано ещё собственное имя, и оба они высоко подняты по своему положению, — они уже не удалые молодцы, как в уральской песне, а князья благоверные.

Люди, позволившие Щелкану и Возвягу называть братьев Борисовичей «князьями благоверными» (ст. 45, 61, 72), очевидно, не знали, что определение «благоверный» не могло быть приложимо к живым людям. «Благоверный» — один из так называемый «чинов святости»⁵. Его определяла церковь по своим установлениям. Если церковь полагала, что некий князь при жизни весьма способствовал укреплению и защите православия, то она его канонизировала, причисляла к лику святых. Сугубо «благоверными князьями», без добавления определения «святой» или «мученик», были признаны, например, Андрей Боголюбский и Дмитрий Донской. В их число попали Афанасий и Борис Даниловичи, братья Юрия и Ивана Калиты. Наряду с ними стоит и Михаил Ярославич Тверской. Перечень благоверных князей довольно велик, но в нём нельзя найти имена каких-либо тверских Борисовичей⁶. И это не удивительно, потому что братья Борисовичи известны лишь как эпические персонажи. Попытку возвысить их с помощью присвоения им чина «благоверный князь» следует считать ошибкой, совершённой по незнанию.

После того, как в кенозерском тексте братья Борисовичи при жизни удостоились высокого чина святости, следовало бы ожидать, что они каким-то образом проявят себя в качестве действительных персонажей. Однако это осталось не показанным. Тут братья лишены роли действующих лиц.

В песне сказано, что Щелкан поехал в Тверь. После этого, казалось бы, повествование должно было идти соответствующим образом: Щелкан приезжает в Тверь, Щелкан как-то ведёт себя по отношению к горожанам, например, собирает дани-выходы, так, как это он делал в Жидовской земле, или ещё как-то притесняет людей и вызывает их на ответные действия. Ничего подобного слушателям не предлагается. Повествование в этом, логичном и естественном направлении резко обрывается. Вместо этих ходов повествования внимание слушателей на прощальную встречу Щелкана с родной сестрой, носящей христианское имя, в отличие от Возвяга, самого Щелкана и отца Дуденя. Сестра, как полагается, осуждает Щелкана и по существу произносит заклятие: Щелкан должен погибнуть от ножа, как погиб его сын. И на этом повествование опять-таки обрывается.

Рассказ о Щелкане с таким нечаянным поворотом в конце по-своему тоже логичен: Щелкан должен подвергнуться неотвратимому наказанию, и притом тем же оружием. Для этой версии описание ещё каких-либо поступков Щелкана в той же Твери просто излишне. Внимание сосредоточено всего лишь на одном, но совершенно жутком поступке. Одного его описания уже достаточно для того, чтобы показать Щелкана в его способности достигать власти и богатства самой страшной ценой. После такого описания требовалось в немногих словах, причём устами родной сестры Щелкана осудить убийцу собственного сына и произнести заклятие. А слушателей того времени не нужно было убеждать в том, что заклятие непременно сбывается. Слушатели знали об этом. Им лишь чуточку напоминали в песне, и они сами, всяк по своему, без труда могли домысливать, при каких обстоятельствах потом «остыл» Щелкан.

Ревностному славянофилу, знающему об ордынском иге, такое окончание песни вряд ли было по душе, ибо оно напрочь исключало описание героического сопротивления тверичей. Гильфердинг, наверное, испытал разочарование. Он вполне мог подумать, что такое окончание песни измыслила сама певица, и предположить, что на Кенозере эта песня может бытовать и с описанием борьбы тверичей со Щелканом. Уже на следующий день после встречи с Калитиной, 16 августа, Гильфердинг спросил об этой песне у Матрёны Григорьевны Меньшиковой, женщины «около 40 лет», жительницы д. Горка, — видимо, Трихнова Горка, стоявшей несколько выше Кенозерского погоста. Меньшикова легко пропела Гильфердингу текст:

Щелкан Дудентьевич

- А на стуле, на бархате,
На золотом на ременьчатом
Сидел тут царь Возвяг
Возвяг сын Таврольевич.
- 5 Ён-де суды рассуживал,
Все дела приговаривал
И князьёв-бояр жаловал
Сёлами, поместьями
Городам с пригородками.
- 10 И Хому дарил Токмою,
И Ерёму — Новым городом.

- И Щелканушка дома не случилось,
И уехал Щелканушко,
Ён во землю Жидовскую,
15 Ён для чортова правежу,
Ради дани и выходу.
Ён-де с поля по колосу брал,
С улицы по курици,
С мужика по пяти рублей.
20 У кого-де пяти рублей нет,
У того он жену берёт.
У кого как жены-то нет,
И того самого берёт.
Как у Щелкана не выробишься,
25 Со двора вон не вырядишься.
Как приехал Щелканушко
Из земли из Жидовские
Ко царю на широкий двор:
Токо-токо ты, царь Возвяг,
30 Царь Возвяг сын Таврольевич!
И ты суды россуживал,
Все дела приговаривал,
Всех князьёв-бояр жаловал
И сёлами, поместьями
35 Городам с пригородами.
И Хому дарил Токмою,
И Ерёму — Новым городом.
Подари-тко Щелканушка,
Ты любимого зятюка,
40 Меня Тверию городом,
Меня Тверию славною,
Меня Тверью богатою,
Двума братцами родными
И князьём благоверными,
45 И Борисом Борисовичом,
И Митриём Борисовичом.
Говорит ему царь Возвяг:
Ты, любимые зятюшко,

- Щелкан сын Дудентьевич!
50 Заколи-ко чада малого,
Своего сына любимого,
Ты Гордея Щелкановича.
Нацеди-ко ты чашу руды,
Токо чашу серебряную;
55 Выпей ту чашу руды,
Стоючись перед Звягой царём,
Перед Звягой Таврольевичем.
Токо взявши Щелканушко
Заколот чада милого,
60 Своёго сына любимого
И Гордея Щелкановича.
Нацедил же ён чашу руды,
Токо чашу серебряную,
Выпил ту чашу руды,
65 Стоючись перед Звягой царём,
Перед Звягой Таврольевичем.
Подарил ёго царь Возвяг
Ёго Тверию городом,
Ёго Тверию славною,
70 Ёго Тверью богатою,
Двума братцами родными
И князьём благоверными,
И Борисом Борисовичом
И Митриём Борисовичом.
75 И поехал Щелканушко
И захал Щелканушко
Ко родной сестры проститися,
Токо к Марье Дудентьевной:
Ты прощай, моя родна сестра
80 Токо Марья Дудентьевна.
Ты прощай же, мой родной брат,
Уж по роду родной брат,
По прозванью окаянной брат.
И кабы ти уехати
85 И назадь не приехати.

Кабы ти самому на ножи остыть
И на сабли на вострые.
И уехал Щелканушко
Ещё сам головой вёршил⁷.

Сравнивая этот текст с записью от Калитиной, нетрудно убедиться в их чрезвычайной близости: это варианты одной версии. Из мелких отличий стоит отметить, что у Меньшиковой, кроме сестры Щелкана, и его сын носит христианское имя (ст. 52–61). Певица явно ничего не знала о том, что же происходило в Твери, но была уверена в гибели Щелкана, произнесла последний стих: «Ещё сам головой вёршил».

На следующий день после записи от Меньшиковой, 17 августа, Гильфердинг спросил об этой песне Игнатия Григорьевича Третьякова, 58-летнего жителя д. Росляково⁸. Тот смог пропеть на запись только начало песни:

Щелкан Дудентьевич

Во Тавре было городи
На стули на золоти,
На отласи и на бархати,
Сидит Возвяк, Возвяк-царь,
5 Возвяк Таврольевич.
Он суды-ты рассуживал,
Дела приговаривал,
Князей-бояр жаловал,
Он Фомку-ту Тотмою,
10 Ерёму — Новым городом.
Любимого зятелка
Щелкана Дудентьевича
На дому не случилось,
Он уехал в землю Жидовскую,
15 Во Жидовскую землю Литовскую,
Не для дани да выхода,
Ради чортова правезу.
Чорт-от с улицы
Брал по курицы
20 Со избы брал он по петуху,

- Со бела двора он по добру коню,
У ково коня нет дак и жену возьмёт
У ково жены нет самово в полон возьмёт
Где ли Щелкан побывал,
25 Как будто Щелкан головнёй покатыл.
Приехал Щелканушко Дуденьевич
К царю Возвяку Таврольевичу.
Чем тебя, Щелкана, буде жаловать:
Сёла тебе ли же с присёлками,
30 Ли городами тебя с пригородками,
Ли деревни тебе да со крестьянами?
Пожалуй меня, государь царьТаврольевич
Тверь-то городом,
Тверью богатою,
35 Двумя братьями родными:
Борисом Борисовичем
Митрием Борисовичем⁹.
(Дальше не помнит.)

Пропетое Третьяковым начало совпадает с соответствующей частью вариантов Калитиной и Меньшиковой, поэтому можно допустить, что и в забытых певцом частях его вариант был столь же близок к записям от кенозёрок и содержал ту же версию.

В отличие от других кенозерских исполнителей песни, у Третьякова царь Возвяг Таврольевич царствует в Тавре-городе (ст. 1). Очевидно образование названия от отчества царя. Тем, кто придумал это название города, текст попался на слух уже без упоминания Орды и без иных ордынских реалий. Неизвестная Токма превращена в Тотму (ст. 9), т.е. в Тотьму, известную хотя бы понаслышке.

Земля, где Щелкан собирал дани-выходы, тут получила два этнических названия: она и Жидовская, она и Литовская. Это означает, что Третьяков слышал тексты то с одним, то с другим названием земли и, не уверенный в том, какое из них «правильное», предпочёл оставить их оба. Наряду с этим примечательно, что и в уральской песне земля, где Щелкан собирал дань, тоже названа Литовской, — совпадение и такой вроде бы незначительной детали в текстах, разделённых временем и пространством, означает, что эта частица принадлежала изначальному тексту песни.

У Третьякова иной формулой подводится итог поборов Щелкана:

- Где ли Щелкан побывал,
25 Как будто Щелкан головнёй покатыл.

В более полных кенозерских вариантах сказано иначе:

- Как у Щелкана не выробишься,
25 Со двора вон не вырядишься¹⁰.

Судя по некоторым отличиям вроде приведённых, то ли сам Третьяков, то ли его предшественник осмысленно усваивал песню и вносил свои поправки, должные, как ему представлялось, улучшить текст.

Поскольку песню о Щелкане знали в разных деревнях Кенозера, можно считать, что её занесли туда довольно давно. Она бытовала там, естественно, по преимуществу в виде самостоятельного произведения. Лишь однажды Гильфердингу был предложен текст, содержащий соединение (контаминацию) разных произведений, включая несколько стихов о Щелкане. Здесь о нём упоминалось выше, когда говорилось, что 12 августа 1871 г. Гильфердинг впервые услышал на Кенозере что-то о Щелкане. И.М. Кропачёв, по прозвищу Лядков, 65-летний житель Мамонова острова, пропел ему нечто исключительное:

Волга и Щелкан

- Ди-ди-ди Волга река,
Да широка-де мать река,
Да под Казань подошла,
Да по шире-тово
5 Была под Вастракань.
Много Волга река в себя побрала,
Да поболе того ручьёв ведь пожрала,
Негде Добрынюшки прогуливаться,
Негде Никитинцу проезживаться.
10 Да во славном Твери во городе,
Да на том ли-то было на стули на золотом,
Да й на том ли было ременчатом,

- Да сидел туто царь-от Везьяк сын Везьякович.
Он сидел суды ведь рассуживаё,
15 Да слова он выговариваё,
Да князей-де бояр он жалуё,
Он чинами их, вотчинами:
Да ли Сеньшу на устьё послал,
А Щелкана-то Дудентьевича,
20 Да тово-де пожаловал Тверию-то городом,
Да ли Тверью-то славною,
Да ли Тверью богатою.
Да Щелкан-от Дудентьев сын
Да он с улици брал-де по курици,
25 Со двора он брал по коню,
У кого коня-то ведь нет,
У того он жену возмё,
У кого-де жены-то ведь нет,
А тово-де самово возмё.
30 Да у Щелканушка не выслужишься,
Из двора-то вон не вырежешься.
Да тот ли-то Щелканушко Дудентьев сын,
Да царь-от Везьяк сын Везьякович,
Да они слыша нарожденье богатырское
35 Сильного могучего богатыря,
Да Вольву сына Щеславьевича.
Да по той ли по Волги по реки
Взяли-де рыбоньку белуженку повыловили,
Окуня, сарожку повыдобыли,
40 Рябчика, косачика повыстреляли,
Да лисицу, куницу повыдавили.
Да тут ли Вольвушенька раждается,
Да Щелканушко кончается,
Да кончается Щелканова вотчина,
45 Да только ли Щелканушко жив-то бывал¹.

Кропачёв часто путался, сбивался, менял слова и целые стихи. Отчасти это можно объяснить его волнением: как-никак он впервые в жизни должен был петь «генералу». Спетый им текст был первым, а всего он спел Гильфер-

дингу на запись 11 текстов. Путался же он только в ходе исполнения первого текста. Он слепил его из отрывков разных произведений. Начало текста определённо позаимствовано из былины «Добрыня и Алёша», которую Гильфердинг у него не записал. Оно вкратце передаёт зачин, характерный для одной из версий былины «Добрыня и Алёша». У П.А. Воинова из д. Рыжково этот зачин приобрёл классическую форму:

- Из-под белыя берёзки кудреватыя,
Из-под святых мощей, из-под Борисовых,
Из-под белого Латыря-каменя,
Тут повышла, повышла-повыбежала,
5 Выбегала-вылетала матка Волга-река,
Широка матка Волга под Казань прошла,
Пошире того она под Вастракань.
Она много, матка, Волга в себе рек побрала,
Побольше того она ручьёв пожрала,
10 Давала плёса она Далинские,
А горы долы Сорочинские,
А место-то шла она три тысячи [вёрст],
А выпала Волга в море Чёрноё [!],
Да устьёв пустила ровно семдесят,
15 Широко перевоз да под Новым-градом.
Да всё это, братцы, не сказочка,
А всё это, братцы, прибауточка,
Теперь-то Добрынюшки зачин пошёл¹².

Вместо последних стихов этого зачина у Кропачёва прозвучали стихи:

Негде Добрынюшки прогуливаться,
Негде Никитинцу проезживаться.

За отсутствием нужных сведений нельзя сказать, сам ли Кропачёв придумал эти два стиха или он их слышал от своего предшественника.

Сразу после этих двух стихов Кропачёв резко перешёл к другому отрывку. У него царь Везьяк Везьякович (уже не Таврольевич) правит и жалуёт в самой Твери. Щелкана он жалуёт Тверью без испытания, — стало быть, Везьяк тут уступал место Щелкану и должен был куда-то удалиться. Уже не в какой-

то чуждедальной земле, а в Твери Щелкан благополучно собирает дань. И вдруг оба, Щелкан и Везвяк, слышат «народженье богатырское». У Кропачёва переиначены имя и отчество народившегося богатыря. Вместо Вольги Всеславьевича Гильфердинг услышал произнесение Вольва Щеславьевич.

Едва назвав Вольву, Кропачёв тут же перескочил к совсем иному. Прямо не назвав, кто этим занимался, Кропачёв пропел стихи о том, что эти неназванные персонажи поволокли рыбу, повыстреляли боровую птицу и поволокли пушных зверей (ст. 37–41). В этих стихах содержится очень сжатый перепев длинных жалоб киевлян на Чурилу и его дружину, — Кропачёв несомненно слышал старину «Молодость Чурилы» и таким образом передал содержание её довольно пространной первой части¹³. Неизвестно, просил ли Гильфердинг Кропачёва пропеть ему былинку «Молодость Чурилы». Пометки об этом собиратель не сделал.

Запутавшись в отрывках разных произведений, Кропачёв поспешил остановиться на том, что связал кончину Щелкана с рождением Вольвы. Как могло сказаться рождение героя на кончине явно не хорошего персонажа, Кропачёв, конечно, не знал.

Заметив попытку певца сложить в один текст отрывки разных произведений, собиратель должен был бы мягко и осторожно выяснить, способен ли сказитель разделить эти отрывки и вспомнить если не целиком, то хотя бы более пространные куски этих произведений. Неизвестно, предпринимал ли Гильфердинг такую попытку. Более вероятно, что собиратель постарался успокоить певца и перенацелил его на исполнение иных старин.

Текст Кропачёва уникален. Он не мог быть подхвачен другими кенозёрами, ибо они знали не отрывки, соединённые как Бог на душу положит, а полнокровные, в виде самостоятельных форм произведения.

Гильфердинг довольно часто отмечал знание певцами каких-то других произведений, помимо тех, которые он от них записывал. В отношении Кропачёва собиратель поступил вопреки своему обыкновению. Он почему-то не отметил знание эпических песен, отрывки которых тот соединил в один текст.

Точно так же он не отметил знание песни о Щелкане ещё кем-либо из кенозёров, кроме тех, от кого он записывал эту песню. По-видимому, после 17 августа Гильфердинг одни отрицательные ответы на свои вопросы о знании песни. Он почувствовал, что песню с подробной передачей второй её части найти не удаётся, и перестал спрашивать о ней.

Записями Гильфердинга выявлено ограниченное распространение песни о Щелкане. Её знали в двух деревнях на Свином озере (Росляково, Суетин-

остров) и в двух деревнях в центральной части Кенозера (Горка, Мамоново). За исключением неясного случая записи от Кропачёва, три остальные записи песни о Щелкане фиксируют её принадлежность трём же семейным репертуарам. Поэтому можно полагать, что на Кенозеро песню принесли всего несколько человек или даже один человек.

После поездки А.Ф. Гильфердинга минуло 56 лет, когда на Кенозере принялась работать московская экспедиция братьев Б.М. и Ю.М. Соколовых. Три её участника, — П.А. Грушников, Б.М. Соколов и В.И. Чичеров, — высадились на Суетин-острове. Там они разыскали Ивана Матвеевича Калитина, сына Ирины Денисовны, которая пела на запись Гильфердингу. В свои 81 год Калитин хорошо помнил эпические песни, усвоенные, по его словам, от матери. Среди записанных текстов 11 июля 1927 г. он спел на запись песню о Щелкане:

(Щелкан Дудентьевич)

- На стули, на бархати,
На золотом, на ременьцятном,
Сидел туто Возвяк,
Да Возвяк сын Таврольевиць
5 Да дело присуживал да приговаривал.
Да князей-бояр жаловал
Он сёлами, поместьями,
Городами с пригородками.
Он Фому дарил Тотьюмою,
10 А Ерёму Новым-городом.
Да любимого зятюшка,
Щелкана Дудентьевиця,
Его тут не слуцилосе.
А уехал Щелканушко
15 Во землю дальнюю,
Ради дани да выходу,
Ради цёртова правежа.
Он с поля брал по колосу,
С огорода — по курице,
20 С мужика — по пяти рублей.
У кого как пяти рублей нет, —
У того он жену берёт.

- У кого как жены нет, —
У того так самого берёт.
(Вот как он там дань собирал!)
- 25 У Щелкана не вырядишьсе,
Со двора вон не вывернешьсе.
Да приехал Щелканушко
Из земли, из дальние,
Да и прямо к царю на широкой двор.
- 30 — «Уж ты царь Возвяк,
Да Возвяк сын Таврульевиць!
Ты, царь, суды рассуживал,
Дела приговаривал,
Да князей-бояр жаловал
- 35 Ты сёлами, поместьями,
Города с пригородками —
Ты Фому дарил Тотьюмою,
А Ерёму Новым-городом,
Ты любимого зятюшка,
- 40 Да Щелкана Дудентьевиця,
Подари Тверью-городом,
Только Тверью-то славною,
Только Тверью богатою».
И говорит тут царь Возвяк
- 45 Да Возвяк сын Таврольевиць:
«Ой же Щелканушко,
Щелкан сын Дудентьевиць!
Заколи цяда милого,
Только сына любимого,
- 50 Нацеди цяру руды,
Только цяру серебряную,
Да и выпей-ко ту цяру руды
Стоюци перед Звягой-царём,
Перед Звягой Таврульевицем,
- 55 И подарю Тверью-городом,
Только Тверью-то славною,
Тою Тверью богатою».
Да и тут-то Щелканушко,

- Щелкан сын Дудентьевиць,
60 Заколел-то цяда милого,
Только сына любимого,
Нацедил-то цяру руды,
Только цяру серебряную,
Да и выпил ту цяру руды
65 Стоюци перед Звягой-царём,
Перед Звягой Таврульевичем.
И подарил-то Тверью-городом,
Только Тверью-то славною,
Тою Тверью богатою.
70 И поехал Щелканушко
Он во землю во дальнюю.
А заехал ко Марье Дудентьевне
К сестрице родной.
«Ты прости-ко, сестрица родна».
75 Говорит ему Марья Дудентьевна,
Говорит ему сестрица родна,
Токо Марья Дудентьевна.
«Да ой же ты, брателко,
А Щелкан сын Дудентьевиць,
80 Как бы тебе, брателко,
Туда уехати,
Назад не приехати.
Остыть бы тебе, брателко,
На востром копье,
85 На булатном на ножицьке,
Как заколол ты сына милого,
Только цяда любимого,
Ради Твери города,
Ради Твери-то славные,
90 Только ради Твери богатые»¹⁴.

Его текст чётко и по полноте не уступает тексту матери. Сравнивая их, можно заметить несколько отличий. У сына Токма заменена Тотьмой (ст. 9, 37), а земля, где Щелкан собирал дань, утратила этническое название. Впрочем, тут нельзя исключить и деликатное вмешательство собирателей. Они

лучше певца знали, что есть Тотьма, а нет Токмы, и что эпитет «Жидовская» даже применительно к некоей дальней земле может быть в 1927 г. оценён досужими людишками как «подрыв национальной политики» родного и любимого государства.

Самое примечательное в тексте Калитина — это отсутствие упоминания о братьях Борисовичах. Певец явно не видел необходимости упоминать о них. Из-за этой утраты его текст целиком сводит мотивировку неперемного наказания Щелкана к убийству сына, что подчёркивается в заключительных стихах («Как заколол сына милого...»), произнесённых от имени родной сестры Щелкана, — в тексте матери певца этих стихов нет.

У Калитина только персонажи Щелкан и Возвяк и желание Щелкана заполучить Тверь ещё остаются реалиями, точнее эпическими подобиями исторических реалий. В исходной версии, судя по уральской песне, эпизод испытания Щелкана Возвяком был предназначен для того, чтобы показать, какими задатками обладал Щелкан перед отъездом в Тверь. На Кенозере текст постепенно освобождался от всего, что составляло вторую часть песни, где описывались события в Твери. В этом отношении вариант Калитина выглядит предельно очищенным. Благодаря этому эпизод испытания Щелкана сыноубийством стал самодовлеющим. Уже не эпизод подчинялся логике повествования, призванного описать события в Твери, а эпизоду испытания стали подчинены более или менее сохранявшиеся вступление и очень скупая концовка.

Приглядываясь повнимательнее, остаётся признать, что кенозерская версия песни, где эпизод испытания Щелкана приобрёл самодовлеющий характер, стала похожа на одну из легенд в библейской «Книге Бытия» (гл. 22). Там сам Господь Бог, испытывая Авраама на беспрекословное послушание, велит ему сына Исаака в жертву: Авраам заносит нож над сыном, но в этот миг ангел Господень останавливает Авраама. Многие кенозёры, несомненно, читали эту легенду в Библии или хотя бы в устной передаче знали о ней. Однако неизвестно, сопоставляли ли они эту ветхозаветную легенду с песней о Щелкане.

В библейской легенде Царь Небесный, назначив жестокое испытание, внимательно следит за приготовлениями Авраама и, убедившись в его усердном послушании, останавливает испытываемого: Богу нужна не жертва сына, Бог удовлетворится и бараном, который кстати запутался в кустах и попал под жертвенный нож Авраама. В песне царь земной, напротив, нуждается в кровавом зрелище. Он, видимо, не без удовлетворения следил за тем, как

Щелкан исполнял его бесчеловечную волю ради обретения власти и богатства. Параллелизм ветхозаветной легенды и кенозерской версии песни о Щелкане, при этом песня выступает антитезой по отношению к легенде. Неизвестно, сближали ли кенозёры песню с библейской легендой, вполне осознанно освобождая песню от всех элементов её второй части, или же это очищение песни и превращение её в обновлённую повествовательную форму происходило стихийно, просто потому, что вторая часть из-за давней стёртости была непонятной и плохо удерживалась в памяти. Песня преобразовалась в эпическую притчу. Об этом посильно было сказать ещё 80 лет назад, но тогда это не было сделано.

С 1958 и по 1962 год Кенозеро посещали участники фольклорных экспедиций Московского университета. Им уже не удалось записать песню о Щелкане. Нельзя исключать, что в ту пору кто-то из кенозёров ещё как-то помнил песню о Щелкане, но такого человека собиратели не сумели найти. Поэтому остаётся полагать, что ко времени экспедиций МГУ песня, вероятнее всего, вышла из живого бытования и притом навсегда.

Поморские верени песни о Щелкане

На рубеже конца XIX — начала XX вв. многие места Русского Севера были обследованы на эпос. Тогда при желании и похода можно было услышать и записать хотя бы одну эпическую песню едва ли не в каждой северной деревне. Но лишь однажды обнаружилось ещё одно место живого бытования песни о Щелкане. Удача выпала на долю москвича А.В. Маркова. Ранее он собирал эпические песни на Зимнем и Терском берегах Белого моря и публиковал их. Больше того, в 1905 г. он уже побывал на Карельском берегу и, в частности, в прибрежной деревне Гридино, находящейся примерно на полпути между Кандалакшей и Кемью, чьи названия нетрудно найти почти на любой карте. Уже в 1905 г. он встречался с гридинским 39-летним жителем Иваном Матвеевичем Мяхниным и записал от него 5 былин. А в 1909 г. Марков вернулся в Гридино, записывал тексты на этот раз от нескольких человек и снова встретился с И.М. Мяхниным, от которого записал ещё 8 эпических произведений¹. В самодельных полевых тетрадях отсутствуют сведения о сказителе, хотя по числу записанных текстов Мяхнин оказался самым крупным в Гридине исполнителем. Собираатель записывал тексты чернилами, что, естественно, исключает скоропись. Он явно писал под диктовку, между тем исполнителю, умеющему пропевать текст, диктовка давалась тяжело. Это хорошо прослеживается по записи песни о Щелкане, сделанной 5 июля 1909 г. Диктуя, Мяхнин постоянно сбивался с ритма, ломал стиховой размер, не проговаривал какие-то слова и целые выражения, допускал пропуски и больших кусков текста. В свою очередь, Марков, не всегда попевая за диктовкой, часто не дописывал слов, целых стихов и повторов. Запись песни публиковалась, однако при сличении печатного воспроизведения с полевой записью обнаруживается, что запись была не вполне точно скопирована и затем опубликована. Расхождения касаются, на первый взгляд, мелочей, но их так много, что текст песни лучше воспроизвести по полевой записи заново:

[Щелкан Задудентьевич]

И на стуле рыте бархате,
На ковре красном золоте
И царь сидел, суды судил, ряды рядил:
И Ваську — на Костомку,

5 Мишку — на Малые Резы,
И шурина любимого
Шшолкана Задудентьевича
И службой большею
Дорожкой дальнёю
10 И за тридевять морей,
За тридевять земель
Зьбирать дани-пошлины,
Избирать дани-пошлины
За прежны годы, лета прошлыя:
15 Со всякой улици по курици,
Со всёго дому по пяти рублей.
У кого нету пяти рублей —
И по лошади по добрыя
По дочери хорошея,
20 По сыну одинакому.
Ну, зьбирал Шшолкан,
Зьбирал Задудентьевич...
— Вот тебе, царь Возвяк,
Служба послужёная,
25 Да ряды наряжённыя,
Дорожка исправленная.
И просговорит царь Возвяк :
Кто бы мог мне думушка подумати,
Взял бы сына одинакого
И вёл на широкой двор,
30 И тыкнул вострым ножом в грудь,
И налил чашу крови,
Перед царём выпил.
Шшолкан Задудентьевич
Взял сына одинакого,
35 Вёл на широкой двор,
Тыкнул вострым ножом в грудь
И налил чашу крови,
Перед царём испил.
Вот тебе, царь Возвяк,
40 Служба сослужёная

- Да ряды наряжённые,
Дорожка исправленная.
Пожалуй, царь Возвяг,
Твердогород,
45 Тверду прекрасную,
Становитьце большим начальником
И сам собой.
Бери-ко ты пановой-улановой,
Палачей немилостливых.
- 50 Взял он пановой-улановой,
Палачей немилостливых,
И пошёл Шшелкан,
Пошёл Задудентьевич.
И настрету ему Возвякова сестра:
- 55 — Ты куды, Шшелкан, пошёл,
Ты куды, Задудентьевич?
Я пошёл, Шшелкан,
Я пошёл, Задудентьевич
В Твёрдогород,
- 60 В Тверду прекрасную,
Становитьце большим начальником,
Сам собой
А старуха наместо говорит:
Дай те бы, Осподи,
- 65 Туды не прийти
И назад не дойти,
Положить своя буйна головушка.
И таки пошёл Шшелкан,
Пошёл Задудентьевич,
- 70 И пришёл Шшелкан
Пришёл Задудентьевич,
Пришёл ко Наумко реки
И роздёрнул шатры белополотняны.
И говорит Шшелкан
- 75 Говорит Задудентьевич:
Хто бы, хто бы мне-ка мог
Мою думушку подумати,

- И знал бы по-руськи сказати,
По-норвеськи толмачити?
- 80 И Митрею князю,
Василию князю
Приказати,
Шшёбы улици чистити
И фатеры приготавливати,
- 85 Шшелкана в гости дожидать.
Выскоцил чернёшенек малёшенек:
А я знаю, по-руськи сказати,
По-норвеськи толмачити
И Митрею князю,
- 90 Василию князюПриказать...
Пришёл Митрей князь,
И Василей князь.
И спрашиват Шшелкан:
- 95 Шшо у тя за люди?
У мян попы, дьяки,
Протопопы,
Все церковны причетьники...
Этто шшо у тя за люди:
- 100 Кафтаны долгиа,
Рукава широкия,
Волосы долгиа,
Шляпы плоский?
Это шшо у тя за люди —
- 105 Сатаны это, дьяволы.
Спрашиват Митрей князь
И Василей князь:
У тя-то шшо за люди?
У мян пановя-улановя,
- 110 Палачи немилосьливы.
Потом Митрей князь и Василей князь
Ушёл он прочь.
Пошёл Шшелкан,
Пошёл Задудентьевич,
- 115 Приходит против Красного Села,

Из Красного Села
Выскочил Дютькозлять,
И хватил Шшелкана поперёк живота,
И бросил Шшелкана о сыру землю.

120 И тут Шшелкану славы поют,
И тут Шшелкану старины скажут².

Вопреки своему обыкновению собиратель не отметил, от кого, где и примерно когда Мяхнин усвоил текст. Нет также сведений о том, кем по этнической принадлежности представлялись Мяхнину Щелкан и Возвяк. Кроме этих имён, в самом тексте отчётливые ордынские реалии отсутствуют. Другие исторические или историзованные реалии также оказались стёртыми.

В начале текста не употреблён глагол «пожаловал» (ст. 3–5), поэтому неясно, действительно ли царь пожаловал Ваську и Мишку. Предлог «на» заставляет думать, что Мяхнин имел в виду не пожалование, а назначение на службу, подобно Щелкану. Православные имена назначенцев не совпадают с именами персонажей, пожалованных Возвяком в уральском и кенозерских текстах. Это означает, что в разных местах бытования песни её знатоки выбирали имена по своему усмотрению.

Название мест, куда царь отправляет Ваську и Мишку (ст. 4–5), тоже выбраны произвольно. При желании в Костомке можно угадать пренебрежительно произнесённое название Костромы, но Малые Резы не поддаются узнаванию. Названия мест слишком переиначены. Изначальные названия уже ни о чём не говорили певцам последующих поколений и легко подменялись.

Равнодушие проявлено здесь в отношении названия земли, куда Щелкана отправили собирать дани-пошлины. Тут стало достаточным сказочному отметить её удалённость «за тридевять морей, за тридевять земель» (ст. 10–11). Сама поездка Щелкана поставлена в один ряд с пожалованием или назначением Васьки и Мишки, а не выдвинута, по версиям Урала и Кенозера, как причина отсутствия Щелкана в то время, когда Возвяк занялся пожалованиями или назначениями.

Тут, как и в кенозерской версии, Щелкан собирает дани-пошлины, руководствуясь уравниловкой, сиречь «по плоской шкале», если пользоваться нынешним деликатным термином, впрочем, занесённым издавна в наши дремучие палестины. При этом, в отличие от кенозерской версии, исполнитель не даёт оценки сбора дани типа «чёртов правёж».

После ст. 22 Мяхнин допустил пропуск. Тут уместно было сказать об успехах Щелкана по сбору дани, о его возвращении и о его появлении в том, так-таки неназванном месте, где на бархатном стуле восседал сам царь Возвяк.

Здесь Щелкан только отчитывается о своей успешной поездке (ст. 23–26) и не спрашивает за это себе пожалование Тверью. В ответ, вместо хотя бы похвалы, Возвяк вопросительно мечтает о том, кто бы мог ему помочь «ду-мушку подумати», для чего, оказывается, кому-то требуется зарезать единственного сына и выпить его кровь перед Возвяком (ст. 28–32). Эта витиеватая логика резко отличается от чётко выраженной логической связи между предложенным Щелкану испытанием и обещанием пожаловать за его исполнение, связи, известной по речи Возвяка в уральском и кенозерских текстах. Эта логика, вероятнее всего, от Мяхнина. Он тут сбился и напутал, кратко описал убийство сына, после чего вернулся к отчётной речи Щелкана (ст. 39–47). Ранее исполнитель передавал её начало (ст. 23–26), затем воспроизвёл полностью (ст. 39–47), что подтверждается уральской и кенозерскими записями. Именно после этой речи Щелкана Возвяку стало уместно назначить ему жестокое испытание, а самому Щелкану совершить назначенное, чтобы, как сказано Мяхниным, «становице большим начальником» (ст. 46).

Может быть, и не Мяхнин, а его предшественник сблизил название Твери с прилагательным «твёрдый» и существительными «твердыня», «твёрдость», но исполнитель несомненно был убеждён в таком сближении, произнося «Твердоград» и «Тверда» (ст. 44, 45), а это означает, что он, скорее всего, не знал о действительно существовавшем и существующем городе Твери.

Испытав Щелкана, Возвяк тотчас позволяет ему взять «пановей-улановей, палачей немилосьливых» (ст. 48–49), очевидно, для поездки в Тверь, — Мяхнин и тут не договорил, но смысл позволения именно таков. Упоминание о том, что Щелкан отправился в сопровождении вооружённых воинов имеется только в тексте Мяхнина. На Урале, на Кенозере, позже и в самом Гридине знатоки песни позволяли Щелкану выступать в роли надменного одиночки, что, разумеется, никак не могло соответствовать действительности 1327 г. И в песне, как и в летописях, Щелкан, подобно любому ордынскому сановнику, должен был приехать в Тверь во главе вооружённого отряда. Упоминание Мяхнина о «пановьях-улановьях» свидетельствует о том, что в изначальном тексте песни Щелкан выступил в Тверь в сопровождении воинов. Но если это имелось в исходном тексте, то логика повествования требовала сказать, что же происходило в Твери не только со Щелканом, но и с его воинами, — иначе говоря, требовалось описывать некое выступление тверичей против них.

Выражение «панове-уланове» состоит из двух, одинаковых по значению, но разных по происхождению слов. Слово «пан» пришло в русские княжества с запада, из пределов Польско-Литовского государства, а слово «улан/углан» попало из Орды: и теперь в некоторых тюркских языках слово «оглу/оглы» употребляется в значении «господин». В русских эпических песнях эти слова приобрели иное значение. Пользуясь ими, сказители обычно подразумевали и давали понять слушателям, что речь идёт о воинах, чаще всего оберегающих иноземного правителя, как правило, ордынского или литовского/ляховинского. Им уготована роль второстепенных персонажей, которых легко побивает даже один русский богатырь. Певцы по-разному пользовались этими словами. Они могли привлекать их в текст по отдельности, в виде формул или в виде устойчивого словосочетания «панове-уланове».

Примером отдельного употребления слова «уланове» служит былина «Саул Леванидович и его сын», записанная в 1964 г. в Калгалакше, на том же берегу Белого моря, чуть южнее Гридина. Там Саул едет,

Едет он до мимо города Чернигова,
А кричат ему да там татаровя,
15 А татаровя да и улановя³.

Сам Мяхнин, по-видимому, мог свободно пользоваться этими словами. Так, в 1905 г., исполняя былинку о Дунае, он употребил их в виде формулического стиха. Там у него ляховинский король, услышав от Дуная о том, что он — любовник его дочери Настасьи, повелевает:

Ой, вы, пановя мои, улановя,
Уж как те тотара немилосьливы,
Вы ведите-ко Дуная во цисто полё,
Хоть во то ф полё куликово,
45 Ай ко той плахи г белолиповой,
Ай рубите-ко, казните с плець да буйну голову!⁴

Здесь легко заметить, что Мяхнин употребил слово «тотара» вместо «палачи». Таким образом, он позволил себе маленькую вольность, ибо в эпосе традиционно словосочетание «палачи немилостливы».

Впрочем, и включение этих персонажей в сюжет типа «Молодец и королевична», с которого у Мяхнина начинается былина о Дунае, тоже нельзя признать

традиционным. Обычно тут выступают «слуги верные», что подтверждается, например, записью этой баллады, пропетой в виде самостоятельного произведения одной из жительниц того же Гридина⁵. Мяхнин тут прибегнул к перенесению.

Перенесением выглядит и включение «пановой-улановой» в песню о Щелкане. В исходном тексте речь должна была идти, конечно, просто о татарах, и притом, скорее всего, с отрицательными эпитетами: злые, лютые или поганые.

И здесь, как и на Кенозере, отъезд Щелкана в Тверь отодвинулся из-за его встречи — на этот раз не с родной сестрой, а с сестрой Возвяка (ст. 54–68). Если помнить, что в начале текста Щелкан назван шурином Возвяка, то напрашивается мысль, что тут подразумевается жена Щелкана и мать зарезанного сына.

Существующих записей песни недостаточно для того, чтобы с полной уверенностью определить, имелся ли в исходном тексте песни женский персонаж, кем она приходилась Щелкану: родная ли сестра Щелкана (по кенозерским записям) или сестра Возвяка и, видимо, она же жена Щелкана (по единственной гридинской записи). Оба персонажа вполне подходят для того, чтобы осудить Щелкана и произнести заклятие. Оба они, казалось бы, обладают качествами, способными привлечь внимание создателей песни. Будь ещё сделанные в другом месте записи с каким-нибудь из этих персонажей, определённости решения возросла бы. За отсутствием контрольных записей можно говорить лишь о предпочтении. А предпочтительной фигурой выглядит сестра Возвяка, если её же считать женой Щелкана. Но тогда придётся полагать, что создатели песни не знали, что Щелкан приходился Узбеку двоюродным братом. Лишь незнание этого родства позволяло создателям песни женить Щелкана на сестре Узбека. Однако уверенности в этом незнании создателей песни не существует. Более возможно допустить, что включение женского персонажа в песню произошло уже после её создания, в ходе её бытования, там, где забыли о подлинном родстве Щелкана и Узбека. Введение женского персонажа в песню усиливало её эпичность и ослабляло её историчность. Важно не только то, что введённая — мать загубленного сына, но и то, что она в роли матери произносит заклятие. У Мяхнина об этом прямо не говорится, но, вероятно, лишь само собой подразумевается представление о силе материнского заклятия/проклятия. Вроде бы и теперь кое-где по деревням знают, что материнское заклятие/проклятие настолько неотвратимо, что его не в силах отменить даже сам Господь Бог. Благодаря гридинской и кенозерским записям можно утверждать, что в версиях, производных от исходного текста и унесённых на Кенозеро и в Поморье, имелся женский персонаж, которому было назначено осудить Щелкана и произнести злое заклятие.

В эпосе ведущий повествование персонаж всегда поступает наперекор услышанному, будь то заклятие или простое предупреждение об угрозе. У Мяхнина Щелкан тоже действует вопреки услышанному и устремляется в Тверь.

По дороге он останавливается у Наум-реки (ст. 72). Это название, наверно, нельзя отыскать нигде на местности и ни на какой карте. Может быть, им подменили название какой-либо подлинной реки. В самом названии Наум-реки слышится намёк на то, что Щелкану пришли на ум некие соображения о предстоящих действиях.

У реки Щелкан поставил «шатры белополотняные» (ст. 73). Сказители, твёрдо придерживавшиеся эпических канонов не позволили бы Щелкану обладать белополотняным шатром. Они чётко различали по цвету этнически своих и чужих персонажей. Белый цвет неизменно принадлежал своему этническому герою: это у него белое лицо, белые руки и ноги, белое тело и белые груди, он живёт в белом дворе или городе, он ходит под белым парусом, ставит шатёр белополотняный и т.п. Чёрный же цвет присущ этнически чужому или вовсе этнически враждебному персонажу: у него чёрное лицо, чёрные кудри и груди, он ходит под чёрным парусом, он ставит шатёр чернополотняный или даже чернobarхатный и т.п.⁶ У Мяхнина этническая принадлежность Щелкана не определена, и неизвестно, сам ли он проявил равнодушие к тому, кем же был Щелкан — татарин, русским или кем-то ещё, или он усвоил текст, где этническая принадлежность Щелкана уже была стёрта из памяти носителей песни.

У реки Щелкана вдруг понуждают подражать предводителю войска, подступившего к Киеву. Вместо того, чтобы продолжать поездку, Щелкан тут в раздумье интересуется, есть ли в его стане переводчик (толмач). Таковой отзывается и получает повеление ехать к князьям, дабы те заранее приготовились принять Щелкана.

Весь этот эпизод с отправкой посла (ст. 73–91) представляет собой краткое и сбивчивое переложение соответствующей части из былины типа «Илья Муромец и Калин-царь». Между тем в этой части Поморья былину именно с таким эпизодом не находили, однако, замечая перенесение из неё такого эпизода в песню о Щелкане, можно полагать, что былина типа «Илья Муромец и Калин-царь» с таким эпизодом всё же бытовала в западной части Поморья.

В тот же день 5 июля 1909 г., но чуть раньше песни о Щелкане, Марков записал от Мяхнина иную версию былины о Калине-царе: начало былины «Илья Муромец и Каин-царь», дополненное затем кратким пересказом остального содержания былины. В этом начале Мяхнин иначе описал отношения между царём Каином и послом:

- Садилсы собака на ременчат стул,
Брал чернилицю вольячную,
Написал посылен лист, запечатывал,
10 Не пером писал, не чернилами,
Наводил хоравиньским цистым золотом,
Написал посылен лист, запечатывал,
Посылал скоры гонця Бурзы-посла,
Своего зятя любимого:
15 «Не дорогой едь, не воротамы,
Поезжай чересь три башни наугольния,
Заедёшь в Киев, иди к солнышку Владимиру,
Не кланейсе и челом не бей,
Выложи посылен лист на золот стул,
20 Шшобы очишшали Киев-град,
Где-ка стоять сорока цярям,
Без бою, без драки, без сеченья⁷.

Твёрдо зная стихи, красочно передающие эпизод, Мяхнин не нуждался в знании ещё одной версии этого эпизода из былины типа «Илья Муромец и Калин-царь». У Мяхнина имелась возможность перенести эпизод отправки посла из той версии, какую он хорошо знал, но вместо этого он передал в песне о Щелкане иное изложение эпизода, обрывочное и обеднённое. Это, очевидно, означает, что в песню о Щелкане не сам Мяхнин вставил эпизод с отправкой посла. Он усвоил текст уже с этой вставкой. Избыточность вставки представляется очевидной. Это подчёркивается и требованием Щелкана: толмач должен знать и норвежский язык (ст. 79) — это перенесение, обусловленное общением поморов с норвежцами, резко бросается в глаза.

В речи Щелкана у Наум-реки впервые упоминаются некие князья, Дмитрий и Василий. В отличие от кенозерских записей, тут князьям не дано отчество. Из имён на Кенозере и в Гридине совпадает имя Дмитрия. Если пытаться узнавать в нём тверского князя Дмитрия Михайловича Грозные Очи, то надобно признавать, что исторический прототип был казнён в Орде за год до восстания в Твери. Создатели песни наверняка знали об этом и потому не могли вставить его имя. Нужно было совсем не знать о судьбе Дмитрия Михайловича для того, чтобы много времени спустя после создания песни дать некоему князю то же самое имя.

Между тем имя Василия может показаться подлинной исторической реалией. Действительно, младшим из 4 сыновей Михаила Тверского был Василий. В год восстания ему было 16 лет, — следовательно, он не мог играть сколько-нибудь заметную роль ни в управлении делами княжества, ни в восстании. Поэтому не существует уверенности в том, что имя Василия было включено именно создателями песни.

Все записанные тексты о Щелкане не знают имени князя Александра Михайловича, первого лица в Твери, к тому же носителя титула великого князя Владимирского. Создатели песни должны были знать о нём не хуже летописцев. Они просто обязаны были поведать что-либо о роли Александра, какой бы она им ни казалась. Нетрудно строить разные, притом противоположные по оценкам догадки по поводу отсутствия в песне какого-либо упоминания Александра, однако все эти догадки не будут достоверными.

После эпизода с толмачом, перед ст. 92, Мяхнин допустил пропуск. По логике повествования здесь следовало бы описать: поездку толмача в Тверь, передачу им князьям повеления Щелкана, ответные речи и действия князей, приезд Щелкана в Тверь и его размещение вместе с пановьями-улановьями. Принимая всё это за уместные и последовательные ходы повествования, остаётся признать, что пропуск допущен довольно значительный.

Разорвав цепь повествования, Мяхнин сразу перешёл к эпизоду встречи Щелкана с князьями. Он не сказал, где и при каких обстоятельствах происходила встреча; упоминание Твери совсем исчезло в тексте ещё после разговора Щелкана с сестрой Возвяка. Он смутно представлял себе роль князей. Судя по глаголам в единственном числе, он, похоже, принимал их за одно лицо (ст. 92–93, 106–107, 111–112). Можно по-разному воображать содержание беседы Щелкана с князьями, ибо она, наверное, не ограничивалась обменом впечатлений от внешнего вида людей с обеих сторон (ст. 92–110). Мяхнин и тут, пожалуй, перепутал последовательность передачи вопросов и ответов. Это Щелкан, как представляется, спрашивал у князей:

95 Шшо у тя за люди?

...

...Этто шшо у тя за люди:

100 Кафтаны долгиа,
Рукава широкия,
Волосы долгиа,
Шляпы плоский?

В ответ князья учтиво объяснили:
У меня попы, дьяки,
Протопопы,
Все церковны причетьники...

После этих стихов собиратель оставил незаполненным кусочек листа, обозначив по своему обыкновению запинку или пропуск. Далее, очевидно, князья осмелились спросить у Щелкана:

105 Это шшо у тя за люди —
Сатаны это, дьяволы?

Мяхнин снова повторил вопрос князей и только тогда привёл ответ Щелкана:

110 У тя-то шшо за люди?
У меня пановя-улановя,
Палачи немилосьливы.

Весьма сомнительно, чтобы эта беседа Щелкана с князьями содержалась в изначальном тексте песни. Беседа построена на том условии, что обе стороны встретились впервые и потому взаимно подивились внешнему виду друг друга. В действительности ордынцы и русские, те же лица духовного звания, довольно часто видели друг друга, хорошо отличали по облачению и другим признакам и оттого никак не могли задаваться вопросами о внешнем виде во время встречи в роде той, какую попытался описать Мяхнин. Создатели песни, разумеется, тоже знали об этом. Встречу с вопросами о внешнем виде придумали люди, жившие, конечно, много позже и потому не ведавшие реалий времени восстания в Твери. Вопросами и ответами о внешнем виде эти люди, по всей вероятности, подменили какую-то иную тему разговора, куда более серьёзную для Щелкана и князей, но уже почему-то переставшую интересовать носителей песни.

Концовку текста Мяхнин совершенно скомкал. Может быть, он её запоминать не мог, а может, и просто заторопился поскорее остановиться — собиратель не отметил причину. У Мяхнина участники встречи разошлись миром. Князья удалились невесть куда (ст. 111–112), а Щелкан отчего-то переместился в «красное село» (ст. 113–115).

Собиратель написал эпитет «Красное» с большой буквы. Он, конечно же, знал о существовании поселений с таким эпитетом, например, о Красном Селе под Петербургом. Может быть, ему было известно о Красных сёлах, деревнях, вливавшихся в Москву с начала XX в. или о Красном Селе — крупном поселении на Смоленщине. Зная подобные названия, Марков механически написал эпитет с большой буквы, но не отметил, знал ли о таких названиях Мяхнин. В отличие от собирателя, исполнитель, скорее всего, не был слышан об этих географических названиях. Зато ему было известно устойчивое фольклорное словосочетание «красное село» со значением «красивое, прекрасное», которое и положило начало географическим названиям.

В красном селе у Мяхнина и уготовлена гибель Щелкана. Там вдруг выскакивает странный Дютюкозлять и мгновенно губит Щелкана. Куда смотрели при этом «панове-уланове, палачи немилосъливые», исполнитель не посчитал нужным сказать. А собиратель отчего-то не спросил о них. Совершенно условное описание убийства Щелкана подчёркивается тем, что по форме оно представляет собой типическое место и встречается в разных эпических песнях. Таким способом наш этнический герой расправляется со своим противником, недостойным удара мечом или саблей. Изначально так возможно описывался борцовский приём. В песне о Кострюке, помещённой в рукописный песенник XVIII в. без указания места записи, один из двух братьев Андреевичей

Ухватил Кастрюка поперёк,
Он и бил об сыру землю,
С Кастрюка ли он платья снял...⁸

В записи той же песни, сделанной в первой половине XIX в. в Лужском у. Петербургской губ., Поташка Небытенкой

Как тут-то Кострюка-Мастрюка
105 Забирал он поперёг живота,
Поднимал он повыше себя,
Как ударил об сыру землю.
Тут-то Кастрюк-Мастрюк
С отцом, с матерью прощается,
110 С душой расстаётся⁹.

В тексте конца XIX в., найденном в Новгородской губ., даётся развёрнутое описание победы Илюшеньки Маленького:

- Уж он брал Кастрюга-Мастрюга,
15 Брал его поперёк живота,
 Он сдвинул Кастрюга-Мастрюга
 Что пониже палаты каменной,
 Выше тыну стоячего,
 Уж он бросил Кастрюга-Мастрюга,
20 Уж он бросил о сыру землю.
 У него пузо-то лопнуло,
 Пузовина-то треснула, развалилася¹⁰.

Тут, видимо, есть необходимость напомнить, что по многим версиям Кострюк приезжает в Москву в сопровождении большого числа воинов, — переключка с гридинской версией о Щелкане просто бросается в глаза. Щелкана губит Дютюкзлять таким же способом, каким русский борец — Кострюка. После гибели Кострюка его люди остаются пассивными, обычно о них уже и не упоминается, — то же свойственно тексту Мяхнина о Щелкане. Переключка в этой части версии Мяхнина с некоторыми версиями песни о Кострюке наводит на мысль о том, что Мяхнин или какой-то его предшественник слышал песню о Кострюке и чуточку использовал своё знание о ней в песне о Щелкане.

Зная о том, что в гридинской песне о Щелкане использовано типическое описание расправы, можно уверенно утверждать, что им заменён, по меньшей мере, один эпизод, если не целая их цепь, где совсем иначе рассказывалось о гибели Щелкана.

Более интересно имя убийцы Щелкана. Собиратель написал первую часть его нелепого имени крупными буквами *ДЮТЬКО*. Окончание имени — *злять*, напротив, дописано маленькими буквами и, похоже, дописано позже, вероятно, после расспроса. Такое имя, разумеется, не найти в святцах. Оно не выглядит и прозвищем. Неизвестно, кто допустил очевидное искажение. Кто-то в цепи передачи текста не расслышал невнятно произнесённые слова, кто-то механически повторял их, — и они, в конце концов, оказались закреплёнными на бумаге в виде нелепого имени *Дютюкзлять*. Приглядываясь к нему и подбирая схожие, но понятные слова, на память приходит дьякон Дюдюк из «Рогожского летописца»: это у него татары отняли кобылу, а на его призыв отозвались тверичи и превратили стычку в восстание. Весьма вероятно, ранее в тексте звучала

форма Дютко-дьякон, затем укоротившаяся до произнесения Дютко-дьяк → Дютко же дьяк, позже переименованное из-за скверного произнесения и невнимательного прослушивания и превратившееся в невразумительную форму Дюткозлять. Совпадение с именем дьякона из летописного рассказа не может быть случайным. Принимая это, надобно тогда признать, что эта испорченная устной передачей реалия — всего лишь слабый отголосок той забытой части песни о Щелкане, где действительно рассказывалось о восстании тверичей.

К великому сожалению, гридинская запись песни весьма неудачна. Передатчик текста не сумел внятно и последовательно, без сбоев, пропусков и подмен, справиться с диктовкой, а собиратель с помощью наводящих вопросов не попытался расширить повествование и выяснить степень понимания исполнителем деталей текста.

Общие усилия исполнителя и собирателя оказались недостаточными для того, чтобы запись песни получилась качественной. Маркову следовало бы составить список вопросов по деталям текста и расспросить по ним Мяхнина, — тогда бы выяснилось, сколь свободно сказитель владеет текстом и как он понимает его детали. После этого, через некоторое время можно было бы попытаться сделать повторную запись, которой и подтвердилась бы степень владения текстом. Марков ограничился сбивчивой записью.

Подобно другим собирателям давнего времени, Марков обычно не стремился полностью записать репертуар встреченного знатока эпических песен. Он тоже выбирал тексты для записи, а наряду с этим довольно последовательно записывал названия почему-либо не приглянувшихся произведений и вносил их в сведения об исполнителе. В этих сведениях о гридинцах нет ни единого указания на то, что ещё кто-то из них знал песню о Щелкане. Судя по сведениям, Марков обращался по меньшей мере к 20 гридинцам от 18 лет и старше, но только Мяхнин продиктовал ему песню о Щелкане. Неизвестно, спрашивал ли Марков эту песню у других гридинцев. Единичная запись, скорее всего, свидетельствует о том, что песня принадлежала всего лишь одному семейному репертуару.

Имя Дютко, несомненно, ни о чём не говорило Маркову в то время, когда он находился на Карельском берегу. Тогда он ещё не знал о летописном тексте с упоминанием дьякона Дюдко. Знай он тогда об этом, то постарался бы как следует расспросить и Мяхнина, и других гридинцев. Как представитель «исторической школы», направления, живо интересовавшегося историческими реалиями в эпических песнях, Марков не мог бы тогда упустить возможность расспросов в связи с переключкой имён. Позже Марков, веро-

ятно, узнал о летописном упоминании дьякона Дюдко, но уже не имел возможности ещё раз съездить на Карельский берег.

Почти полвека спустя, летом 1956 г., в Гридине собирали фольклор петрозаводские студентки, вedomые К.В. Чистовым. Несколько эпических песен передала им на запись 68-летняя Анастасия Васильевна Иванова, родная племянница И.М. Мяхнина. Среди её текстов оказалась и песня о Щелкане:

[Щелкан Задудентьевич]

- Против зеркала хрустального
Против цистого заморьского
Царь сидит — суды судит,
Он суды судит да ряды рядит:
- 5 Мишку — на Костомку,
Ваську — на Малые ряды,
А ведь шурина любимого
Щелкана Задудентьевича —
Службой большею
- 10 Дорожкой дальнею —
За тридевять земель
Да за тридевять горей
Сбирать дани-пошлины,
Прежни невыплаты
- 15 Да досельни невыкладки —
Со всякой улицы по курици,
С каждого дому по пяти рублей.
У кого, буде, нету с улицы по курици,
У кого, буде, нету с дому пяти рублей —
- 20 У того брати по доцери любимоей
Да по сыну одинакому.
Вот пошёл Щелкан да Задудентьевич,
Идёт да доброумится,
Доброумится да ухмыляется,
- 25 Небывалыма словама похваляется:
Что вот пошёл дорожкой дальнею
А службой большею —
За тридевять земель,

- За тридевять горей
30 Сбирать дани-пошлины,
Прежни невыплаты,
Досельни невыкладки —
Со всякой улици по курици,
Со всякого дому по пяти рублей.
- 35 У кого нету с улици по курици,
У кого нету с дому по пяти рублей —
Брать до доцери любимоей,
А по сыночку одинакому.
Ну стрецается ему, стрету попадается
- 40 Старая старушка седатая,
Говорит ему да такovy слова:
«Ты куда, Щелкан, пошёл, да Задудентьевич?»
(А он отвецает:)
«Я пошёл службой большею,
- 45 Дорожкой дальнею
За тридевять земель,
За тридевять горей
Сбирать дани-пошлины
Прежни невыплаты,
50 Досельни невыкладки —
Со всякой улици по курици,
Со всякого дому по пяти рублей.
У кого нету с улици по курици,
У кого нету с дому пяти рублей —
- 55 Брать по доцери любимоей,
А по сыночку одинакому».
Ему старая старушка отвецает:
«Дай те Бог туда не дойти
И назад не придти».
- 60 Вот приходит он ко озеру большиньскому,
Ко тому ли деревину деревиньскому,
Смотрит на другу сторону,
Видит люди ходят на другой стороне
(Он и говорит:)
«Что это люди за люди:

- 65 Церти как дьяволи,
Попы или дьякони?»
Оглянулся назад себе —
Стоит перед ним цетвертиночка,
Цетверть зелена вина,
70 Зелена вина да зелья лютого.
Обрадел он с зелена вина,
Берёт стакан да во белы руки,
Наливает в стакан да зелена вина,
Зелена вина да зелья лютого.
75 Тут и душа вышла.
(Оказалось, не зелено вино, а яд)¹¹.

Начало текста (ст. 1–3) сразу привлекает внимание: если царь восседал против зеркала и, наверное, любовался своею персоной, то становится непонятным, где же размещались подданные, которым царь определял назначение — воображение тех, кто это придумал, явно не предусмотрело присутствие подданных, коим надлежало располагаться против царя. Этой деталью текст Ивановой отличается от текста её дяди, а далее (ст. 4 и след.) оба текста заметно совпадают. При этом, у Ивановой исчезло имя царя, последняя, кроме имени Щелкана, реалия, намекающая на то, что песенные события привязаны к Орде. Поэтому несведущие слушатели, наверное, легко относили песенные события ко временам какого-нибудь отечественного царя Гороха.

У Ивановой Щелкан воспринимает назначение как пожалование. Он гордится этим — и «доброумится», и похвастается (ст. 23–25). Посланный в сказочную страну («за тридевять земель...»), они и идёт туда подобно сказочному герою, пешком и в одиночку. По сказочной логике Щелкану непременно должен кто-то встретиться. И действительно, ему навстречу попадает некая старуха. Вызнав у Щелкана цель его путешествия, старуха произносит заклятие (ст. 58–59): она осудила Щелкана уже за то, что он намеревался исполнить в дальней стране. Только зная текст Мяхнина, можно догадаться, откуда у Ивановой появился такой персонаж, как старуха. По произнесённому заклятию старуха ведёт своё происхождение от сестры Возвяка. Ещё Мяхнин назвал сестру Возвяка старухой, и племянница, наверное, слышала это. Ивановой уже было достаточно знать, что Щелкану встретилась старуха, произнёсшая заклятие.

Иванова, по-видимому, ужасалась, слушая описание убийства сына Щелканом. Ей это представлялось столь страшным, что она, воспринимая текст

песни, постаралась снять из него всё, что могло бы напоминать о жуткой сцене убийства. Освобождая текст от этого, Иванова ухватила за мотив назначения Щелкана сборщиком дани. У неё этот мотив превратился в лейтмотив (ст. 9–21, 26–38, 44–56), который вместе с необходимым словесным сопровождением занял добрую половину всего её текста. При этом заклятие старухи по Ивановой оказалось сильнее желания Щелкана исполнить повеление царя.

Совершенно отвергнув то продолжение песни, какое имелось у дяди, Иванова домыслила свою концовку, весьма напоминающую быличку по своему характеру. Она привела Щелкана к какому-то большому озеру. Там Щелкану позволила увидеть на противоположном берегу каких-то людей, странных по виду. Он задаётся риторическим вопросом об их внешнем виде (ст. 64–66), — в вопросе узнаётся отрывок из разговора Щелкана с князьями, скупо переданного в тексте Мяхнина. Ответ, проясняющий слушателям слова о людях за озером, Иванова не предложила. Вместо него она вдруг поставила за спиной Щелкана четверть зелена вина — невесть откуда взявшуюся (ст. 67–70). Щелкан не задаётся вопросом, откуда появилось вино. Он просто радуется (ст. 71), поспешно пьёт и — умирает. От себя Иванова пояснила, что то было не вино, а яд. Заклятие встреченной старухи обернулось отравлением Щелкана.

В 1956 г. К.В. Чистов, по-видимому, ещё не знал о записи 1909 г. от И.М. Мяхнина. Он знал только, что Гридино оказалось ещё одним, помимо Кенозера, местом живого бытования песни о Щелкане, и поспешил поделиться этим открытием. Уже через год после записи от А.В. Ивановой вышла его публикация текста, что по тому времени было исключительным явлением¹². В статье, предваряющей публикацию, Чистов отметил, что Иванова усвоила текст лет 20–30 тому назад «от старых людей»: это означает, что имя дяди для петрозаводцев ещё не прозвучало, как это произошло только в 1964 г. Между тем по возрасту Мяхнин мог жить в 20–30-е гг., а Иванова, следовательно, могла тогда слышать текст именно в его исполнении. Чистов не уточнил, были ли «старые люди» родственниками Ивановой, односельчанами или даже зажими откуда-то знатоками песни. наряду с этим упущением в статье не говорится, вели ли петрозаводцы среди других гридинцев расспросы об этой песне. Судя по умолчанию Чистова, в 1956 г. одна Иванова смогла передать собирателям песню. Она, по признанию Чистова, пропела всего лишь начало песни. Ей было трудно петь («не хватает дыхания!»), и она большую часть текста сказывала.

Публикуя гридинскую запись, Чистов довольно чётко, по пунктам (!), описал её отличия от уральской и кенозерских версий, а в примечани-

ях привёл ряд цитат из них, облегчающих читателю восприятие сходства и различия между ними.

Восемь лет спустя петрозаводцы сделали повторную запись от А.В. Ивановой и убедились в том, что она довольно тверда в своей версии:

[Щелкан Задудентьевич]

Во высокой новой горнице
Да на стуле рети бархати,
На ковре, на красном золоте,
Против зеркала хрустальнёго,
5 Против чистого заморского
Царь сидит — суды судит,
Суды судит, ряды рядит:
Мишку — на Костомку,
Да Ваську — на Малыя Ряды,
10 Шурина любимого,
Щолкана Задудентьевича —
Службой большею,
Дорогой дальнею,
За тридевять земель
15 За тридевять горей
Сбирать дани-пошлины,
Прежни невыплаты,
Досельни невыкладки:
Со всякой улицы по курицы,
20 Со всякого дому по пяти рублей,
У кого нету с улицы по курицы,
Со всякого дому по пяти рублей,
У того братъ по дочери любимыя
Да по сыну одинакому.
25 Пошёл Щелкан Задудентьевич
Службой большею,
Дорожкой дальнею
За тридевять земель,
За тридевять горей.
30 Идёт и сам ухмеляется,

Ухмеляется и забавляется,
Что служба, то большая,
Да дорожка дальняя.

Навстречу попала ему старая старушка, седатая да вся бела, спрашивает:

- Здравствуй, Щелкан Задудентьевич!
35 Куды ты пошёл да куды ты побрёл?
Говорит Щелкан да Задудентьевич:
Я пошёл службой большею
Да дорожкой дальней,
За тридевять морей,
40 За тридевять горей
Сбирать дани-пошлины
Прежни невыплаты,
Да досельни невыкладки:
Со всякой улицы по курицы,
45 Со всякого дому по пяти рублей,
У кого нету с улицы по курицы,
У кого нету со дому по пяти рублей,
У того брать по дочери любимыя,
У того брать по сыну одинакия.
Тут старушка ему ответила:
50 — Дай тебе Бог туда не дойти
И назад не прийти.

А Щелкан ей и говорит: «А сама бы ты не сюда, не туда не дошла, а по дороге бы померла». Старушка боле с им ничо не говорила. А он потом приходит к озеру Большиньскому, ко дому деревеньскому. Потёрся спиной о дерево и смотрит на ту сторону озера, там видит он,

- Что ходя люди ли за люди,
Попы или дьяконы, черти или дьяволы.
Оглянется назад себя —
55 Стоит перед ним, оказалось,
Четвертна вина и стакан.

Щелкан обрадел да к бутылке пришёл, наливает стакан вина, к губам поднёс. Хватил глоток, да тут и окошел¹³.

Через восемь лет она знала начало текста даже полнее (ст. 1–5). Во второй части она уже сбивалась на прозу, где, после произнесённого заклятия (ст. 50–51), приведён ответ Щелкана старухе, — его нет в первой записи. По своему характеру ответ Щелкана напоминает ответ Василия Буслаевича девицам-портомойницам или мёртвой голове. Былину о Василии Буслаевиче в своём пересказе передал Маркову всё тот же дядя Ивановой в 1909 г., но в его тексте отсутствует эпизод, где надлежало бы прозвучать ответу Василия Буслаевича¹⁴. Опираясь на прозвучавшие слова Щелкана, можно предполагать, что какой-то похожий ответ Василия Буслаевича всё же имелся в тексте Мяхнина, однако он его опустил, или же был в другом варианте былины о Василии Буслаевиче, слышанным Ивановой и, может быть, хоть как-то ей известным, но не записанным.

Вслед за Марковым петрозаводские собиратели, к сожалению, ограничились чисто механической записью. Они не попытались расспрашивать Иванову о каких-либо подробностях заключительной части текста и потому не определили пределы её воображения, благодаря которому на берегу большого озера виднелись какие-то странные люди, а за спиной Щелкана внезапно очутилась четверть вина.

Песня о Щелкане, наверное, сохранялась в памяти А.В. Ивановой и после 1964 г., но не известно, как долго это продолжалось. Жили ли в Гридине ещё люди, хоть как-то знавшие песню о Щелкане, осталось невыявленным. Вот так и оказалось, что записью 1964 г. завершилась история бытования и собирания текстов песни о Щелкане.

Песню о Щелкане — как правило, только уральскую версию — постоянно помещали в разных антологиях, главным образом в сборниках исторических песен, и сопровождали очень беглыми заметками о её содержании. Разбор всех текстов песни (кроме повторной записи 1964 г.) впервые был осуществлён всего лишь полвека назад. Его произвёл Б.Н. Путилов. Свой разбор в подробном изложении он включил в виде главы в свою книгу об исторических песнях¹⁵, а тексты песни он поместил отдельно, в сводном корпусе исторических песен, где сопроводил их комментарием, содержащим в сжатом виде сказанное им в книге¹⁶. Спустя много лет ещё более сжато он поведал о песне в другой книге, предназначенной для так называемого «массового читателя»¹⁷.

О вероятном содержании изначального текста песни о Щелкане

На примере гридинских записей видно, как резко в пределах всего лишь нескольких десятилетий и в одном месте бытования может измениться содержание песни о Щелкане. Неизвестно, сколь частыми были подобные случаи изменений на протяжении времени бытования песни, преобладали ли они по сравнению с упрямым, более или менее каноничным воспроизведением текста. Резкие изменения содержания становились приемлемыми для того носителя песни, который их допускал, и разве что для его ближайшего окружения, обычно из числа родственников. Столь слабое закрепление в бытовании значительно чаще приводило к полному исчезновению песни, нежели к продолжению её бытования хотя бы во втором поколении после того её носителя, который решился переменить содержание.

Уже никогда не удастся узнать, куда из Тверской земли разнесли песню о Щелкане, и в каких местах она угнездилась в своём бытовании. Таких мест несомненно было больше, чем их открылось — каждый раз благодаря стечению обстоятельств, но не в ходе целенаправленного поиска. Будь открыто много этих мест бытования, можно было бы подметить пути движения песни вместе со своими носителями и обрисовать даже ареалы бытования. Множество мест бытования принесло бы науке и множество версий песни, благодаря чему стало бы возможным обозначить некоторые узловые точки в истории бытования песни. Чем больше собрано текстов одного произведения в разных местах бытования, тем легче раскрывается эволюция этого произведения. В этом отношении песня о Щелкане, найденная всего в трёх местах бытования и записанная лишь в 10 вариантах (шесть из них — кенозерские), представляет собой весьма твёрдый орешек. Не приходится ожидать пополнения в виде новых записей где-либо ещё. Довольствоваться нужно имеющимися записями. И это нужно не только ради удовлетворения простого любопытства.

Чтобы признавать песню о Щелкане действительно исторической, да ещё возникшей тотчас после восстания в Твери, требуется, прежде всего, выделить в имеющихся записях тождественные или сходные элементы содержания. Разделённые временем и пространством, певцы Урала, Кенозера и Карельского берега никак не могли побудить друг друга к заимствова-

нию песни о Щелкане. Они знали только тот текст песни, который слышали от своих предшественников. Усваивая текст, они, естественно, старались запомнить его получше и соответственно воспроизводить при пении. И вместе с тем что-то в тексте им было непонятно или представлялось негодим, отчего певцы в меру своего разумения вносили в текст свои изменения, а кажущееся им почему-либо неподходящим и вовсе изымали из текста. Ни одна из записей песни о Щелкане не воспроизводит изначальный её текст.

Однако это не означает, что в записях ничего не сохранилось от изначального текста. Напротив, достаточно признать, что первичное повествование за сотни лет бытования неоднократно передавалось в разных словах и словесных оборотах. Присматриваясь к известным записям песни, нетрудно заметить в них несколько одинаковых эпизодов повествования, переданных, однако, по-разному, с привлечением разных деталей, географических названий и имён второстепенных персонажей. Следовательно, преимущественное значение приобретает совпадение того или иного эпизода по записям разных мест.

Певцы Урала, Кенозера и Карельского берега единодушно признавали началом песни эпизод в Орде: правитель благоволил послать двух приближённых в русские города. Певцы расходились между собой в понимании этого благоволения. Кто-то из них, по-видимому, видел в этом пожалование, подобное тому, какое позволяли себе московские великие князья в XV–XVI вв. Кто-то допускал наместничество или, попросту говоря, кормление в назначенном городе, что также считалось позволительным в Московском государстве. Кто-то подразумевал роль простого сборщика «даней и выходов». Каждое из таких толкований имеет значение для соответствующей записи песни, но все они, наверное, додумывались уже в ходе её бытования. Зная ордынскую практику, создатели песни должны были описать какой-то из нескольких актов благоволения ордынского «царя» или подменить какой-то из них описанием того способа правления, какой им был хорошо знаком по тверской действительности. У создателей песни был выбор. Что именно они выбрали актом благоволения — пожалование, наместничество, поручение или что-то иное, узнать уже не удастся.

Отсутствие Щелкана на встрече Азвяка/Возвяка с приближёнными в уральской и в кенозерских записях объясняется одинаково: Щелкан ездил в дальнюю землю, где собирал «дани выходы». В отличие от них в гридинских записях отлучка снята, Щелкана представили перед царём вместе с другими персонажами, в Гридине понимали «ряды» царя как поручения

всем трём персонажам. Исчезновение в гридинской записи описания поездки Щелкана — несомненная утрата изначального эпизода. Поездка Щелкана в дальнюю землю была нужна создателям песни. Успех его поездки они подали затем через речь Щелкана как заслугу, достойную награды в виде пожалования Тверью. Связка успешной поездки Щелкана и его встречи после этого с Азвяком / Возвяком логична и убедительна. Она, конечно, присутствовала в изначальном тексте песни.

Вместе с тем, по-видимому, невозможно определить первичные детали описания поездки Щелкана. Нельзя полагать, что создатели песни отправили Щелкана именно в Литовскую землю, как это утверждалось на Урале и на Кенозере, — у создателей песни могли быть иные представления о землях, подвластных Орде. Надо думать, что создатели знали о высоком положении Щелкана и его кровном родстве с Азвяком / Возвяком, и уже поэтому они не могли отводить ему роль простого сборщика «даней-выходов». Создатели, вероятно, примеряли песенному Щелкану ту роль, в какой выступил его исторический прототип в Твери, а это их знание остаётся неизвестным. Между тем в записях песни Щелкан выступает в дальней земле только как сборщик дани. Певцы последних столетий никоим образом не представляли его хотя бы как руководителя некоторого числа сборщиков или как лица, присланного проверять надлежащий сбор по неким установленным нормам. Тем более в записях нет и намёка на то, что Щелкану в Твери надлежало присматривать за князем Александром, только что получившим ярлык на великое княжение.

Создатели песни прекрасно знали, за что и сколько тверичи должны были платить Орде. Они также могли быть наслышаны о величинах ордынских поборов в каких-то других землях. Отталкиваясь от собственных знаний об ордынских поборах в Твери и где-то ещё, создатели песни могли предложить слушателям и некое вымышленное, в сгущённых красках описание ордынских поборов в чужедальной земле. Действительные величины ордынских «даней-выходов» накануне восстания в Твери остались неизвестными. Отсутствие этого ориентира не позволяет считать правдоподобным уральское описание своеобразного подоходного налога для Литовской земли. Более ранние описания поборов в составе песни о Щелкане попросту отсутствуют. Поэтому относительно второго эпизода песни, в котором рассказывается о поездке Щелкана в некую, подвластную Орде землю, уместно говорить в самых общих словах: Щелкан, очевидно, выполняя повеление Азвяка / Возвяка, был тем или иным образом причастен к сбору «даней и выходов» и добился их получения.

Третий эпизод песни, в котором повествуется о встрече Щелкана с Азвяком/Возвяком, и о его испытании сыноубийством, знали во всех местах записи, что, несомненно, свидетельствует о принадлежности эпизода к изначальному тексту песни. В действительности, наверное, всё было иначе. В действительности Узбек без всякого испытания повелел двоюродному брату отправиться в Тверь для того, чтобы присматривать за князем Александром, обеспечивать своевременное поступление дани и удерживать князя от поступков, ослабляющих власть Орды над русскими княжествами. Даже если допустить, что создатели песни что-то знали о подлинной подоплёке появления Щелкана в Твери, следует согласиться с тем, что они пренебрегли этим или, иначе говоря, предпочли выказать своё неведение об этом. Создатели песни опирались на вполне сложившиеся народные представления об ордынцах и на молву, по-своему объяснявшую приезд Щелкана в Тверь.

В песне красочно и вместе с тем внешне по-эпически бесстрастно описано, как в обмен на сыноубийство Щелкан заполучил Тверь. Здравый смысл отказывается принять эту причину приезда Щелкана за сколько-нибудь правдоподобный факт. Очень трудно просто поверить в то, что безмерная жестокость ордынцев могла быть обращена и против их собственных детей.

Ничего похожего не обнаруживается в так называемом «Сокровенном сказании монголов», письменном памятнике, оформленном не ранее середины XIII в. Напротив, там рисуются естественные отношения для человеческого общежития того времени. Так, например, Чингиз-хан, подробно определив назначения для десятков своих приближённых, включая и своих родичей по крови, объявляет о желании иметь личную стражу и велит приближённым прислать в неё «самых способных и видных наружностью сыновей и младших братьев»¹. О том же повелении хана писал в XVII веке и Лубсан Данзан, автор «Алтан-тобчи» («Золотого сказания»), где помимо «Сокровенного сказания», привлечены и другие источники по истории монголов².

Наряду с этим у Лубсана Данзана мельком появляются примечательные словесные угрозы, произнесённые, по утверждению автора, потомками былых именитых правителей. В одном месте книги мать спрашивает у некоего Эсэн-тайши: «Если Нагачу приедет, разве ты убьёшь его?» — «Если Нагачу приедет, если я его увижу, то съем его мясо, выпью его кровь!» — ответил он³. В другой истории иной тайши Бэгэрсэн вдруг произнёс: «Если увижу этого ребёнка, то съем его мясо, выпью его кровь. Так-то!»⁴ В обоих случаях персонажи ограничиваются угрозами.

Фольклорный характер этих угроз подтверждается записью Б.Я. Владимирцова, сделанной в предреволюционные годы в северо-западной Монголии. В пространном, как и подобает, эпическом сказании главный его герой, свой этнический герой Бум-Эрдени в сердцах грозит другому богатырю Хаджи-Хара: «Сожру я твоё чёрное, как курительные свечи, мясо, попью твоей рыже-красной крови!»⁵ Спустя время Бум-Эрдени, поборов Хаджи-Хара, вновь произносит угрозу, после чего вдруг меняет гнев на милость: «Я съем чёрное, как курительные свечи, мясо Хаджи-Хара, выпью его тёмно-красную кровь!» — Было это ведь сказано мной. Попробую я его крови и оставлю, отведаю его крови и отпущу!» — С этими словами он, трижды лизнув, попробовал крови Хаджи-Хара. Затем Бум-Эрдени вытер ладонью землю с уст Хаджи-Хара, сор с глаз его слизнул языком и поднял его со словами: «Будем братьями на всю жизнь!» Своё побратимство богатыри утвердили взаимными клятвами и обменом подарков⁶.

В другом эпическом сказании, относящимся к иной местной традиции, нежели сказание о Бум-Эрдени, на протяжении весьма долгого повествования (объёмом в несколько десятков печатных страниц) лишь однажды встретилась походя брошенная фраза: главный и тоже свой этнический герой Мекеле рубит одного за другим многоголовых противников и их лошадей, и при этом «Мекеле не пьёт их крови, не ест их мяса, едет вперёд»⁷.

В монгольской «Гесериаде», очень длинном эпическом сказании, составившем целую книгу, отпечатанную в Пекине в 1716 г., есть несколько эпизодов, примечательных в этом же отношении. Один из трёх ширайгольских ханов, Цаган-Герту-хан, завладел Рогмо-Гоа, женой Гесера, и как-то в сердцах ей бросил: «/.../ но как бы я не заставил тебя есть тело своего мужа и пить его кровь! Кто, ты думаешь, я, и кто Гесер-хан, государь десяти стран света?»⁸ Рогмо-Гоа привыкла на ночь выпивать чашку крепкой водки и съесть баранье сердце. Гесер незаметно совершил подмену. «В освободившиеся чашки он налил в одну Цаган-Герту-хановой крови, а в другую положил его сердце. /.../ является Рогмо-Гоа. Отведала крови и сердца Цаган-Герту-хана и говорит: «Что-то противный вкус сырого во рту? Может быть, это от усталости? /.../»⁹

Если в преданиях и в эпических песнях монголов желание есть мясо и пить кровь противника (соперника и пр.) выражалось лишь в виде угрозы, то, очевидно, некогда оно затем осуществлялось. И действительно, Марко Поло, долго живший в монгольских владениях и много по ним поездивший, совершенно спокойно сообщает: «Есть у них [«татар»] вот какой обычай: ког-

да кого присудят к смерти и по воле государя казнят, берут они то тело, варят его и едят, а кто умрёт своею смертью, того никогда не едят»¹⁰.

Цитировавшийся здесь ранее монах-доминиканец Винсент из Бове, автор середины XIII в., явно не ведавший о будущей книге Марко Поло, подтверждает его наблюдение за «татарами»: «<...> и когда схватят кого-нибудь из своих больших противников и недругов, то собираются в одно место, чтобы съесть его в отместку за сопротивление им, и тогда напиваются его кровью, подобно кровопийцам из преисподней»¹¹.

Подобных сообщений известно немного. Возможно, их существует много больше, если перерывать массу источников, написанных на разных языках. Быть может, когда-нибудь и кем-то это будет сделано, и в результате получится целый корпус таких сообщений. Здесь же достаточно и по немногим сообщениям увериться в том, что в XIII–XIV вв. у победителей многих народов Азии и Европы воспроизводились традиционные, надо думать, обычаи пить кровь и поедать мясо людей, предпочтительно из числа противников, настоящих или мнимых. Эти обычаи образовывали почву, в свою очередь порождавшую соответствующие элементы преданий или эпических сказаний.

По этим обычаям и сопутствующему им фольклору в Орде хотя бы времени Узбека первичных источников не сохранилось. И всё же можно полагать, что ордынцы ещё придерживались таких традиций, а потому среди них, наверное, продолжали более или менее живо бытовать эти обычаи и соответствующие им фольклорные тексты. Общаясь с ордынцами, наблюдая за ними и в самой Орде, русские люди не могли не замечать этого. Они что-то видели и слышали, что-то запоминали в меру своего восприятия и делились рассказами с соотечественниками.

Среди монголов, разумеется, широко бытовали всевозможные рассказы, включая рассказы о своих правителях, и кто-то из них не смущался передавать их иноземцам. Также ранее цитировавшийся здесь монах Гайтон в своей книге, подаренной римскому папе в 1307 г., несомненно перелагал многое из рассказов своего дяди, посещавшего ханскую ставку в Каракоруме. Гайтон и сам, по его же признанию, бывал в ханской ставке и дважды наблюдал как «татары» выбирали себе «императора». Он наслушался и рассказов об избрании Чингиза, о чём и поведал в своей книге. В частности, Гайтон написал о «трёх приказаниях» Чингиз-хана, отданных сразу после избрания его «императором»:

«/.../ третье приказание, отданное Чингисом, было наиболее жестоким. Он повелел, чтобы каждый из семи правителей¹² привёл с собою своего пер-

вородного сына и своими собственными руками отрубил ему голову. И хотя этот приказ был бесчеловечным и жестоким, но поскольку они опасались народа, а также доподлинно знали, что Чингис стал императором согласно воле Божьей, то ни один предводитель не посмел ослушаться этого приказа, и каждый из них своими руками отсёк собственному сыну голову. Так Чингисхан испытал волю своего народа и увидел, что эти люди были преданы ему не на жизнь, а на смерть, и посему назначил определённый день, в который они должны были прибыть к нему конно и в полном вооружении, чтобы отправиться в поход вместе с ним»¹³.

Фольклорная природа текста не вызывает сомнения. Он был услышан в ходе устной передачи, Бог весть сколь длинной, прежде чем оказался закреплённым на письме. Он бытовал к началу XIV в., т.е. столетие спустя после избрания Темуджина ханом, и, наверное, его продолжали рассказывать и распространять и позже. Об источнике и степени распространения этого рассказа ничего не известно. Его единичной фиксации недостаточно для рассуждений о бытовании. Быть может, существуют и другие письменные фиксации этого рассказа. Если они откроются, что-то ещё прояснится.

Рассказ, записанный Гайтоном, нетрудно противопоставить благостному повествованию об устройении личной стражи Чингисхана, запечатлённому в «Сокровенном сказании» монголов, и задаться вопросами о правдивости или о совместимости обоих рассказов. Безнадёжно и потому бессмысленно оценивать правдоподобность обоих рассказов, поскольку независимых источников того же времени, сообщающих о тех же событиях, вроде бы не имеется. В рассказах отразились разные представления о Чингисхане как об идеальном верховном правителе. Эти представления важнее гадательного теперь выявления их соответствия действительно происшедшим событиям. Они тоже историчны, тоже исторические факты, независимо от того, насколько они адекватны или, иначе, насколько они правдивы или правдоподобны. Следует помнить, что люди, рассказывавшие такие истории, совершенно искренне верили в их правдивость.

Подтверждением рассказа, приведённого Гайтоном, определённо служит пока что только эпизод русской песни, в котором описывается испытание Щелкана сыноубийством. Оба текста соотносятся между собою как исходная форма и её эволюционная производная. Сходство просто бросается в глаза: Чингис согласен оставить власть правителям, выдержавшим испытание сыноубийством — Азвяк согласен дать Щелкану Тверь в обмен на такое же испытание; Чингис требует совершение сыноубийства у него

на глазах — того же требует Азвяк от Щелкана. Эти ключевые части обоих рассказов нельзя придумать дважды. Их можно только повторять, приспособив к иным персонажам, местам действия и другим обстоятельствам. С приспособлением исходный сюжет получает новый облик и оттого кажется совершенно новым. Степень приспособления выражается в отличиях, в их подогнанности к усвоенным традиционным частям и к друг другу.

В рассказе, приведённом Гайтоном, число испытываемых равно семи, что объясняется предпочтением именно этого фольклорного числа. В песне о Щелкане предпочтение отдано числу три, при этом двое из пожалованных Азвяком не подвергаются испытанию явно для того, чтобы подчеркнуть исключительность испытания Щелкана именно в связи с его желанием заполучить Тверь. Зная рассказ, записанный Гайтоном, можно предположить, что в версии, от которой отталкивались создатели песни о Щелкане, все пожалованные, по фольклорному семеро или трое, подверглись одинаковому испытанию, но создателям песни требовался один Щелкан и только в связи с Тверью.

Рассказ о Чингисхане и песня о Щелкане различаются по способу сыноубийства. Памятуя о том, что монголы не чурались пить кровь каких-либо недругов, можно допустить, что в песне простое отсечение головы заменено более впечатляющими действиями кровопития. Произошло совмещение в одном тексте описаний параллельно существовавших явлений, обычая кровопития и рассказа о сыноубийстве по повелению хана. Нельзя определённо утверждать, русские или ордынцы осуществили эту контаминацию, но очевидно, что обе части контаминации, кровопитие и убийство сына на глазах у хана по своим источникам пошли от ордынской среды.

Общаясь с ордынцами, русские люди усвоили какие-то их рассказы и, пропуская усвоенное сквозь фильтры своего понимания, распространяли уже собственные фольклорные тексты о нравах ордынцев. Этим путём прошли и создатели песни о Щелкане. Они слышали разносимые тверской молвой рассказы о том, что представлял собою Щелкан и какой ценой он купил себе пожалование или назначение в Тверь. Антиордынская направленность этих рассказов несомненна. Тверичи не ждали от приезда Щелкана ничего доброго. И какие-то тверичи сумели извлечь из народной молвы необходимые элементы и выстроили из них последовательную цепь песенных эпизодов. Так можно сказать о первой части песни, завершающейся отъездом Щелкана в Тверь. Даже спустя несколько столетий видно, что при всех различиях в передаче текста певцы разных мест рьяно сохраняли три эпизода. Составляющих основу первой части песни.

Иначе выглядит вторая часть песни, где, наверное, рассказывалось об обстоятельствах гибели Щелкана в Твери. Она не сохранилась сколько-нибудь явственно. Певцы разных мест согласны между собой только в том, что именно в Твери Щелкана постигла смерть, но они по-разному описывали обстоятельства гибели, а то и совсем уклонялись от какого-либо описания («сам головой вёршил»). Можно заметить, что певцы пытались поведать о встрече Щелкана — незадолго до его гибели — с некими братьями Борисовичами (уральская и кенозерские версии) или с какими-то князьями, не имеющими отчества (поморская версия). Однако певцы настолько расходятся между собой в описании встречи, что из этого нельзя извлечь не-что общее для обрисовки изначального вида этого эпизода песни. Зацепкой, пусть и ненадёжной, остаётся отчество персонажей. Если в письменных источниках удастся отыскать людей с этим отчеством, подвизавшихся в Твери в 1327 г. или около того времени, то их можно будет считать исторически-ми прототипами песенных братьев Борисовичей.

Историк второй половины XIX в. В.С. Борзаковский в меру своей подготовленности обращал внимание на опубликованные родословные книги, куда записывали знатных людей Тверской земли. Он, в частности, извлёк сведения о роде Шетневых¹⁴. Их родоначальником назван Борис Фёдорович Половой, выходец из Чернигова, без пояснений в самой родословной отождествлённый с сыном боярина Фёдора, убитого в Орде в 1246 г. Внуком Бориса назван Михаил, которому уже прикреплено прозвище Шетен, в следующем поколении превратившееся в фамилию Шетнев. Никто из Шетневых не носил имени Борис или отчество Борисович, ни разу не упоминаемое во всех трёх списках родословия. Потомки Бориса перечисляются по своим отчествам и прозвищам, к великому сожалению, без какой-либо привязки ко времени правления того или иного тверского князя и тем более к каким-либо датам.

Самый ранний из родословных списков относится ко времени Ивана Грозного. Стало быть, прошло примерно два с половиной столетия после восстания 1327 г., прежде чем было написано известное родословие Шетневых, подкреплённое челобитной царю Ивану Васильевичу. За два с половиной столетия родословная, даже если, помимо устной передачи, она была довольно рано записана, могла не единожды поправляться, сужаться или расширяться, и притом не по злему умыслу, а из соображений, навязываемых складывающейся обстановкой. Доверие к уникальному источнику, будь то даже заурядная родословная, не может существовать без подтверждения иными, независимыми источниками.

В.С. Борзаковский нарочито выделил трёх потомков Бориса Полового, занимавших высокую должность тысяцкого при тверских князьях¹⁵. Первым из них был Михаил Шетен, затем, неясно, с перерывами или без них, его сын Константин Шетнев и внук Иван Шетнев. Проявляя должную щепетильность, историк признавал, что по родословной книге и челобитной Ивану Грозному «не видно, удержался ли сан тысяцкого до падения Твери или он был уничтожен раньше»¹⁶.

Сам Борзаковский никак не связывал приведённые им сведения о роде Шетневых с песенными братьями Борисовичами. Этой связи, насколько известно, долгое время никто не замечал. Лишь незадолго до Великой Отечественной войны, когда власти дозволили более или менее углублённые занятия отечественной историей, ленинградец Я.С. Лурье обратил внимание на имя родоначальника Шетневых. Он знал, что в письменных источниках, а вслед за ними и у учёных, была традиция именовать знатных потомков по имени родоначальника (пращура, прадеда и пр.): Рюриковичи, Ярославичи, Даниловичи, Гедиминовичи и т.п. Подразумевая традицию, но прямо это не признавая, Лурье посчитал, что и потомки Бориса Полового неизменно прозывались Борисовичами: «не исключена возможность, что этот род мог именоваться Борисовичами»¹⁷. К ним Лурье решительно отнёс и «тысяцкого с братом»¹⁸, но удержался от того, чтобы назвать их имена. Между тем в родословии Шетневых тысяцкими названы внук, правнук и праправнук родоначальника. Лурье не стал вычислять, кого из них следовало бы посчитать участником восстания 1327 г. Он не стал и просто выбирать кого-нибудь из них. Кроме его собственного именованья Борисовичами всех потомков Бориса Полового и совершенно беглого, но решительного утверждения об участии не названных «тысяцкого с братом», Лурье не привёл никаких других доводов в пользу сближения кого-либо из Шетневых с песенными Борисовичами.

Спустя несколько лет по стопам Борзаковского и Лурье проследовал Н.Н. Воронин¹⁹. Он обратился к писцовым книгам по Тверскому уезду конца XVI в. и 1626 г., где перечислялись владения «бояр и детей боярских тверских», и обнаружил среди них целых три поколения Борисовых. В одном случае перечислений промелькнула и фамилия Шетневых, что убедило историка совершенно отождествить Борисовых и Шетневых.

В писцовых же книгах Воронин нашёл упоминания о Михайло-Архангельском монастыре, «где кладутца Борисовичи», монастырь стоял под Тверью, и, судя по этим словам, включал родовое кладбище Борисовичей²⁰.

Монастырь, наверное, начинался с постройки одноимённого храма. Сказав о храме, Воронин решительно объявил о том, что храм посвящён «патрону первого в роде Шетневых тысяцкого Михаила Фёдоровича Шетнева, который, по-видимому, и положил основание Михайловскому монастырю, ставшему местом погребения их рода»²¹. Это утверждение о первом тысяцком Воронин почему-то забыл подкрепить ссылкой на источник, содержащий столь важные сведения.

Уверенность историка распространилась и далее, при отыскании исторических прототипов песенных Борисовичей. При этом Воронин утаил свой способ вычисления непременных участников восстания 1327 г. Перемешивая прототипов с песенными персонажами, Воронин походя бросил ещё одно утверждение, которое перефразировал трижды: в уральской версии песни о Щелкане «Борисовичи — тысяцкий Михайло Шетнев вместе с братом — являются участниками расправы над Шевкалом»²²; в ней же «любовно сохранено родовое отчество героев 1327 г. Борисовичей — тысяцкого Михаила Фёдоровича с братом»²³; полагая Киршу Данилова передатчиком песни, Воронин подчеркнул: «Главное в его показаниях (!) — руководство тверским восстанием Борисовичей: тысяцкого Михаила и его брата, неизвестного нам по родословной Шетневых»²⁴. В последних словах историк опосредованно признал, что это он сам добавил брата Михаилу Шетневу, благодаря чему образовал пару исторических прототипов, уже вполне соответствующую песенным двум братьям Борисовичам.

Можно, разумеется, предполагать, что у Михаила Шетнева был брат. Но с тем же обманчивым основанием можно допускать, что у него было и два брата, и три, и вообще сколько помстится. В действительности XIV в. число Борисовичей было совершенно определённым и к тому же известным создателям песни. Однако они были вольны использовать точное число братьев или, напротив, дать то число, какое им казалось подходящим. Передатчики песни, в свою очередь, отнюдь не обязывались сохранять число братьев. Они могли его и изменить, в частности, заменяя числом перенесённым из какого-либо другого фольклорного произведения. Так парность Борисовичей в уральском тексте о Щелкане при желании можно объяснить влиянием песню о Машрюке, помещённой по соседству. Одного уральского текста недостаточно для доказательства того, что в песне изначально фигурировали только два брата Борисовича. И для этого нужно обращаться к кенозерским и гридинским текстам, бытовавшим независимо друг от друга и от уральского места фиксации. Посколь-

ку и там речь идёт о двух персонажах, возникает уверенность об изначальном этом их числе.

После Н. Воронина, насколько известно, никто не предъявил учёному миру какие-либо иные документы, свидетельствующие об отождествлении исторических Борисовичей с какими-то представителями боярского рода Шетневых и о какой угодно их роли в тверских событиях 20-х гг. XIV в. В наших архивах и по сей день совершаются открытия ранее неизвестных материалов, поэтому нельзя исключать, что в архивных безднах ещё таятся примечательные сведения о неких тверских Борисовичах. Пока же приходится ограничиваться сдержанным утверждением о том, что у песенных братьев Борисовичей имелись какие-то исторические прототипы — участники событий в Твери в 1327 г.

Иное, чем братья Борисовичи, вызывает Дютюкзлять, упомянутый в первой поморской записи. Такое имя нарочно не придумать дважды. Оно искажено в ходе устной передачи, но это менее значимо, чем его переключка с именем летописного дьякона Дюдко, который вёл на водопой злополучную кобылу. Переключка свидетельствует о том, что дьякон был одним из действующих персонажей второй части песни, достаточно примечательным для того, чтобы его имя удерживалось в поморской версии песни до начала XX в., и при этом ему приписывалась роль смельчака-одиночки, отважившегося на Щелкана и вмиг погубить его.

Братья Борисовичи представлены в уральской и кенозерской версиях песни, а Дютюкзлять, напротив, — только в поморской. Это означает, что некогда произошло расщепление второй части песни. Где-то роль погубителя Щелкана уже стали отводить братьям Борисовичам, а где-то — Дютюкзлятью. Ранее, стало быть, имелся единый текст, в котором говорилось о всех этих персонажах и, наверно, даже о каких-то князьях. Участие этих персонажей в определённых эпизодах и образовывало в целом описание восстания в Твери в 1327 г., точнее, то был непосредственный отклик создателей песни, вероятно, из числа участников восстания.

Не следует удивляться тому, что песня о Щелкане — скорый отклик на только что происшедшие события. У русских людей, по-видимому, издавна была традиция сразу же откликаться на событие, о чём свидетельствуют дошедшие до времени их записи песни эпохи Ивана Грозного, о Смутном времени, о Стеньке Разине и о Пугачёве, о многих войнах и военных походах. Песня о Щелкане вполне соответствует этой традиции. Её отличие лишь в том, что она относится к ранним образцам, какие уцелели в народной памяти последних столетий.

Песня победителей Щелкана вряд ли могла тешить тверичей, переживших ужасы карательного похода объединённых татарских и московских сил. Песню унесли из Твери, скорее всего, те люди, которые успели бежать оттуда, едва слышали о карательном нашествии неумолимо надвигающихся врагов.

Судя по тому, что бытование песни обнаруживали в удалённых друг от друга местах, песню уносили по разным направлениям. Её носители могли очутиться и в Новгородской метрополии, и в Московском княжестве. Условия для её бытования, наверное, далеко не везде и не всегда были благоприятными. Песня, воспевающая восстание против ордынцев, не могла нравиться местным правителям и иным людям, признававшим власть Орды, по их мнению, препорученной небесами и установленной если не навечно, то, по меньшей мере, надолго. Оказавшись в среде, предубеждённо или даже враждебно относящейся к Тверском восстанию и вообще к борьбе против власти Орды, носители песни, естественно, не старались выйти с нею на люди, а если и пели, то изредка и в узком, обычно семейном кругу, что постепенно приводило к забвению песни.

Разорение Тверской земли объединёнными силами Орды и Москвы тоже подавляло сколько-нибудь широкое распространение песни. Горечь поражения и ужасы множества трагедий испытывали и носители песни о победе над ордынцами, и это тоже убивало желание петь её.

Жители соседних с Тверской земель вряд ли стремились слишком вникать в тверские события, ибо они постоянно переживали свои беды и свои, отнюдь не благостные отношения с Ордой. И откликались, разумеется, прежде всего и главным образом на них, а не на события в Твери. Поэтому у них не возникало желание подхватывать песню о Щелкане.

Знание песни оставалось уделом немногих носителей. Какие-то потомки этих носителей перебирались на окраины страны, и об этом свидетельствуют записи в поморском Гридине, на Кенозере и где-то в заводской среде Среднего Урала. Потомки носителей, по-видимому, считали для себя помнить первую часть песни. Им было важнее помнить, что представляла собой Орда в лице Азвяка и Щелкана, нежели знать обстоятельства гибели Щелкана. Фольклорным носителям вообще свойственно лучше помнить начальную часть текста и постепенно комкать и забывать вторую его часть. Песня о Щелкане не избежала этого, и описание восстания стало уходить из памяти носителей.

У некоторых носителей позднего времени постепенно стиралось представление о Щелкане как об этническом противнике. Они видели в Щелкане

представителя власти, чуждой им, но не имеющей враждебной этнической окраски. Этническое противопоставление у них сменялось на социальное.

В долгую пору ордынского владычества Щелкан не был исключительной фигурой, возмущившей русских людей. Помимо частых нашествий и набегов, Орда не скупилась отправлять в русские княжества своих людей в качестве баскаков, сборщиков подати, послов или иных надзирателей, которые вели себя в роли завоевателей и господ. Судя по скудным летописным сообщениям, против них тоже поднимались русские люди, что, по всей вероятности, вызывало отклики в виде песен или устных рассказов, позже превращавшихся в предания. Однако из всех из них до нашего времени в бытовании сохранилась лишь песня о Щелкане.

Действия всех этих ордынцев были одинаковыми, а появление их в русских княжествах было частым. Знать и помнить об этом было важнее, чем запоминать ордынские имена, нередко трудно произносимые. Поэтому в народной памяти откладывались обобщённые описания действий угнетателей, и эти обобщения неизбежно превращались в единый образ этнического противника, которого нарекли «поганым идолищем». Вот этот персонаж и постепенно заменял каких-либо бывших этнических противников, прежде всего, ордынцев. Редким исключением остался один Щелкан.

Твердо

Того же лета князю Александру Михайловичу дано княжение великое, и пришёл из Орды и сел на великое княжение. Потом за малыми днями, ради умножения грехов наших Бог попустил диаволу вложить зло в сердце безбожных татар — глаголить беззаконному царю: «Аще не погубишь князя Александра и всех князей русских, то не будешь власти над ними». И беззаконный, и треклятый всему злу начальник Шевкал, разоритель христианский, отверз скверные свои уста, начал глаголати, диаволом учимый: «Господин царь, аще мне велишь, я пойду на Русь и разорю христианство, а князей их убью, а княгинь и детей к тебе приведу». И повелел ему царь сотворить такое.

Беззаконный же Шевкал, разоритель христианский, пошёл на Русь со многими татарами и пришёл в Тверь, и прогнал князя великого со двора его, а сам встал на князя великого двор со многою гордостью и яростью. И воздвиг гонение великое на христиан насилием и ограблением, и битьём, и поруганием. Люди же городские, гордостью повсегда оскорбляемые от по-

ганных, жаловались многожды великому князю, дабы он их оборонил. Он же, видя озлобление людей своих и не могучи их оборонити, терпеть им велел. И сего не терпели тверичи и выжидали удобного времени.

И бысть в день 15 августа месяца, в полутра, как торг начинается, некий диакон тверитин, прозвище ему Дюдко, повёл кобылицу, младую и зело тучную, напоить её на Волге водой. Татары же, увидев, отняли её, диакон же загоревал, зело начал вопити, говоря: «О, мужи тверские, не выдавайте!»

И бысть между ними бой. Татары же, надеючись на самовластие, начали рубить, и сразу стеклись люди, и возмутились люди. И ударили во все колокола, и встали вечем, и поворотился город весь, и весь народ тотчас собрался. И бысть у них замятня, и кликнули тверичи, и начали избивать татар, где которого застигли, пока и самого Шевкала не убили. И всех подряд [убивали], не оставили и вестонош, кроме на поле пастухов, стада конские пасших. Те похватили лучших жеребцов и скоро бежали на Москву, и оттоле в Орду, и там возвестили о кончине Шевкала /.../

А убиен бысть Шевкал в лето 6835. И то услышав, беззаконный царь на зиму послал рать на землю Русскую — пять темников, а воевода Федорчюк, и людей множество погубили, а иных в плен повели, а Тверь и все грады огнём пожгли. Великий же князь Александр, не терпя безбожного их злодейства, оставил княжение русское и всю отчину свою, и ушёл во Псков с княгиней и с детьми своими, и прибысть во Пскове.

Примечания

Уральская песня о Щелкане Дедентьевиче на историческом фоне

¹ О составе сборника и о некоторой множественности людей, от которых записывались песни: Смирнов Ю.И. «Эрлангенская рукопись» и «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». // Русско-сербские литературные связи XVIII — начала XIX вв. М. 1989.

² Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Под ред. А.А. Горелова. СПб. 2000. (Далее — КД).

³ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Под ред. А.А. Горелова. СПб. 2000. (Далее — КД).

⁴ Джованни дель Плано Карпини. История монголов. / Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. / Книга Марко Поло. Вст. ст. и комм. М.Б. Горнунга. М. 1997. С. 58–59.

Некий Винсент из Бове в середине XIII в. составил из множества источников четырёхтомный труд «Великое зеркало». Одним из источников была рукопись Карпини. Прямо ссылаясь на Карпини, Винсент, однако, скромнее описал действия сарацина: «Вышеупомянутый брат Иоанн де Плано Карпини из ордена братьев-миноритов видел некоего сарацина, присланного в Россию из партии (?) хана, который из каждых трёх детей уводил одного с собою; точно так же он уводил мужчин, не имевших жён, и женщин, не имевших мужей; он приказал всем без исключения, большим и малым, даже однодневным младенцам, как бедным, так и богатым, дать в качестве дани одну шкуру белого или (!) чёрного медведя и одну — чёрного бобра или (!) какого другого животного из тех, что там обитают». // Книга странствий. Пер. с лат. и ст.-фр., сост. статьи и комм. Н. Горелова. СПб. 2006. С. 102. (Далее — Книга странствий).

⁵ Для сравнения можно привлечь свидетельство того же Карпини, добравшегося до ханской ставки в Монголии: «И было много таких [лошадей], которые на уздечках нагрудниках, сёдлах и подседельниках имели золото приблизительно по нашему расчёту на 20 марок». Комментатор сюда добавил примечание: «одна марка весила пол-фунта. Следовательно, вес золотых украшений конской сбруи доходил до нескольких килограммов». Надо думать, ордынская знать времени Узбека не уклонялась от традиции богато украшать убранство своих коней.

⁶ Среди заповедей Чингизхана Винсент из Бове приводит и такую: «О лоша-

дах же следующее было для всех установлено: если какой-нибудь татарин сможет поймать коня, и где бы он его ни нашёл, независимо от того, откуда этот конь и кому он принадлежал ранее, он становился истинным его владельцем, если только конь не принадлежит другому татарину» // Книга странствий. С. 90. Несомненно, ордынцы знали об этом установлении и, разумеется, свято придерживались его.

⁷ Назиров Р.Г. Бесценная уздечка. (Об одном неясном мотиве в исторической песне «Щелкан»). // Фольклор народов РСФСР. Уфа. 1988. С. 21–22.

⁸ Там же, с. 22.

⁹ КД, №5, с. 70–71.

¹⁰ Там же, №5, с. 68. Усы торженные — закрученные вверх, торчком.

Из предыстории восстания в Твери

¹ Шишов А.В. Иван Калита. М. 2006. С. 58. См. также: Борисов Н.С. Иван Калита. М. 2005. С. 68.

² Вес новгородской гривны в первой половине XIV в. составлял 195 граммов: Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. Изд. 2-е. М. 1975. С. 62, 67, 68. Иначе оценивает вес новгородской гривны В.Л. Янин. Рассматривая договорные грамоты князя Михаила с Новгородом, он довольно подробно высказался о величине откупа, на который согласился было Новгород после поражения под Торжком в 1316 г., и о событиях, связанных с его выплатой. По его мнению, тогда новгородская гривна весила «примерно» 175 г серебра, а «низовская» (московская) — «примерно» 196 г. Он полагал, что откуп был навязан Новгороду в гривнах «низовского веса». См.: Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 155–161.

³ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М. 1965. С. 36 (далее — Рогожский летописец).

⁴ Там же, с. 38.

⁵ Там же, с. 39.

⁶ Там же, с. 38.

⁷ Подробнее об этом: Смирнов Ю.И. Сердце и печень врага // Сибирский филологический журнал. Новосибирск. 2004. №2. С. 4–25.

⁸ У Винсента из Бове приводится о татарах: «имеют ещё и другое установление [Чингизхана] о том, что они должны подчинить себе всю землю и не заключать мира ни с каким народом, если прежде им не подчинятся». / Книга странствий, с. 89

Это сообщение подтверждается письмом Гуюк-хана папе римскому, написанное на персидском языке в ноябре 1246 г. и обнаруженное в архиве Ватикана только в 1920 г. В письме, в частности, говорится: «Силою Бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам <...>. Ныне вы должны сказать чистосердечно: «Мы станем вашими подданными, мы отдадим вам всё своё имущество» <...> И если вы не последуете приказу Бога, и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете [нашими] врагами». / Карпини. Указ. соч. С. 393.

К сказанному выше Винсент из Бове добавлял: «И вообще они безмерно тщеславны и упорны в том, что в скором времени станут господами всего мира <...> Всех людей, мир населяющих, они, за исключением себя самих, считают за скотину, а Папу и всех христиан называют собаками». / Книга странствий, с. 91.

Рикольдо де Монтекроче в начале XIV в. писал о татарах: «...И тем больше убивают, чем смиреннее к ним относятся: всё почтение и повиновение, которое им выказывают, они принимают не с благодарностью, но как должное. А ещё они называют себя господами мира и говорят, что Бог создал землю исключительно для них, дабы они ею управляли и радовались <...> Весь мир должен поставлять им дань и приносить жертвы». / Книга странствий, с. 150.

⁹ В завоёванных странах победители вели себя одинаково. У Винсента из Бове приведены нелицеприятные отзывы европейских наблюдателей: «Они настолько воспаляются жадностью, что когда что-либо им приглянется тотчас и весьма бесстыдно это вымогают или насильно отнимают у тех, кому оно принадлежит, хочет тот этого или нет»; «И так, их руки всегда открыты, когда надо брать, но всегда закрыты, когда надо давать». / Книга странствий, с. 92, 93.

Монах Гайтон в 1307 г. представил папе римскому свой «Цветник историй земель Востока», где подтверждал эти наблюдения: «По натуре они скупы и алчны, и запросто берут чужое. Своё, правда, не привыкли ценить и охранять и способны спустить всё на ветер». / Книга странствий, с. 273.

Летописи о тверском восстании 1327 г.

¹ Рогожский Летописец, с. 42.

² Там же, с. 42.

³ Там же, с. 42–43.

⁴ ПСРЛ, Т. XV, с. 415–416.

- ⁵ Русские летописи. Т. 3. Воскресенская летопись. [Изд. А.И. Цепкова]. Рязань. 1998. С. 536–539. Существуют разные варианты перевода этой грамоты на современный литературный язык. См. также: Шишов А.В. Иван Калита. С. 117–118. Все дошедшие до нашего времени ханские грамоты, данные главам русской церкви, написаны на старорусском языке.
- ⁶ ПСРЛ. Т. I, Лаврентьевская летопись. М. 1997. С. 530.
- ⁶ ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л. 1949. С. 168. Хопыльские гости — вероятно, от тюркского слова в местной огласовке: ср. турецк. "кари" (врата, ворота). По-видимому, это связано с тюркским переводом персидского названия г. Дербент: Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М. 1966. С. 119, 182–183.
- ⁷ См., например: ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись (датируется концом XV в.); т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись (датируется 30-ми гг. XVI в.); т. VII. Воскресенская летопись (датируется примерно серединой XVI в.); т. XX. Львовская летопись (датируется XVI в.); т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинской летописец (датируется второй половиной XVII в.).
- ⁸ ПСРЛ. Т. IX. Патриаршая или Никоновская летопись. М.; Л. 1955. С. 194.
- ¹⁰ ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. 2000. С. 98. Почти дословно в других списках: там же, с. 341, 459.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. Псковские летописи. М. 2000. С. 23.
- ¹² Там же, с. 90.

Кенозерские записи песни о Щелкане Дудентьевиче

- ¹ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Изд. IV-е. М.; Л. 1951. Т. III. С. 644. (Далее — Гильф.)
- ² Гильф., с. 629–631.
- ³ Гильф., №235.
- ⁴ Ранние фиксации ритмизованного сказа про Фому и Ерёму: Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX в., сост. вст. ст. и комм. Н.В. Новикова. М.; Л. 1961. №103–106. Указания на последующие опубликованные записи: Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Составители Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л. 1979. №1716*.
- ⁵ Покровский Д. Словарь церковных терминов. М. 1995. С. 19.
- ⁶ См.: Владышевская И.В., Сорокина В.Л. Русские святые, подвижники благочестия и агиографы. Словник-указатель. М. 1992; [Димитрий, архиепископ Тверской и Кашинский (Д.И. Самбикин).] Тверский патерик. Краткие сведе-

- ния о тверских местно чтимых святых. Казань. 1907. Переиздание: Тверь, 1991.
- ⁷ Гильф., №283.
- ⁸ Д. Росляково стояла на берегу Шуйлахты, в юго-западной части Свиного озера. Она уже давно не существует.
- ⁹ Гильф., №269.
- ¹⁰ Гильф., №235, с. 274; №283, с. 452.
- ¹¹ Там же, №254.
- ¹² Там же, №228, с. 217.
- ¹³ См. первую часть кенозерских вариантов былины «Молодость Чурилы»: Гильф., №223, с. 173–176; №229, с. 227–229; №251, с. 328–333.
- ¹⁴ Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов Ю.М. Соколова. Подготовка текстов к печати, прим. и словарь В.И. Чичерова. М. 1948, №253.

Поморские версии песни о Щелкане

- ¹ Подробнее о поездке собирателя в 1909 г.: Смирнов Ю.И. Эпические песни Карельского берега Белого моря по записям А.В. Маркова // Русский фольклор. Т. XVI. Л. 1976. С. 115–134.
- ² Российская гос. библиотека, ф. 160, п. 3, ед. хр. 1, тетр. XI, №88. Здесь не оговариваются зачёркивания и сокращения записанных очень многих слов и выражений, допущенные собирателем. Пропуски кусков текста отмечаются многоточиями.
- ³ Русские народные песни Карельского Поморья. Составители А.П. Разумова, Т.А. Коски, А.А. Митрофанова. Ред. Н.П. Колпакова. Л. 1971. №192, с. 117 (далее — РНП КП).
- ⁴ Былины новой и недавней записей из разных местностей России. Под ред. В.Ф. Миллера, при ближайшем участии Е.Н. Елеонской и А.В. Маркова. М. 1908. №63, с. 168–169.
- ⁵ РНП КП, №190, с. 145.
- ⁶ Подробнее: Смирнов Ю.И. Славянские фольклорные представления о других народах. Цветовое восприятие. // Древняя Русь и Запад. Науч. конф. Книга-резюме. М. 1996. С. 60–62.
- ⁷ РГБ, ф. 160, п. 3, ед. хр. 1, тетр. XI, №86, л. 13 — 13 об. «Хоравиньским» — аравийским, арабским.
- ⁸ Исторические песни XIII–XVI веков. Изд. подготовили Б.Н. Путилов и Б.М. Добровольский. М.; Л. 1960. №142, с. 213. Место записи не указано (далее — ИП XIII–XVI).

- ⁹ ИП XIII–XVI, №162, с. 233.
- ¹⁰ Там же, №158, с. 228.
- ¹¹ Чистов К.В. Новая запись песни о Щелкане Дудентьевиче. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XIV. М.; Л. 1958. С. 510–515, сам текст помещён на с. 512–513.
- ¹² См. прим. 11. Текст вскоре был перепечатан: ИП XIII–XVI, №45.
- ¹³ РНП КП, №206.
- ¹⁴ Смирнов Ю.И. Эпические песни Карельского берега... №1, с. 120–121.
- ¹⁵ Путилов Б.Н. Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI веков. М.; Л. 1960. С. 116–131.
- ¹⁶ ИП XIII–XVI, №39–46. Комментарий на с. 631–632 в сжатом виде представляет собой изложенное в книге (см. прим. 15).
- ¹⁷ Путилов Б.Н. Древняя Русь в лицах. Боги, герои, люди. СПб. 1999. С. 180–181. Совсем сжатое изложение написанного ещё в 1960 г.

О вероятном содержании изначального текста песни о Щелкане

- ¹ Сокровенное сказание монголов. Пер. С.А. Козина. Улан-Удэ. 1990. С. 85. Воспроизведено 1-е изд. М.: 1941. Ср. современный перевод: Чингисаана. Свод свидетельств современников. Пер., сост. и комм. А. Мелёхина. М. 2009. С. 182–183 и прим. с. 320–322.
- ² Лубсан Данзан. Алтан-Тобчи («Золотое сказание»). Пер. с монг.; введение, комментарий и приложения Н.П. Шастиной. М. 1973. С. 157–158.
- ³ Там же, с. 267. «Тайши — титул китайского происхождения со значением «великий наставник». Монголы заимствовали его через уйгуров» (там же, с. 389).
- ⁴ Там же, с. 276.
- ⁵ Монголо-ойратский героический эпос. Пер.; вст. ст. и прим. Б.Я. Владимирцова. Пг. 1923. С. 68.
- ⁶ Там же, с. 77. В других записях Владимирцова вариации этой словесной угрозы не встретились, что, по-видимому, указывает на её реликтовый характер в пределах той же местной традиции, какую наблюдал Владимирцов.
- ⁷ Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 г. по поручению Русского Географического общества Г.Н. Потаниным. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб. 1883. С. 459. В других материалах этого сборника похожих словесных оборотов обнаружить не удалось.

- ⁸ Гесериада. Сказание о милостивом Гесер Мерген-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света. Пер.; вст. ст. и комм. С.А. Козина. М.; Л. 1935. С. 201.
- ⁹ Там же, с. 207.
- ¹⁰ Джованни дель Плано Карпини. Книга монгалов. // Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. // Книга Марко Поло. Вст. ст., комм. М.Б. Горнунга. М. 1997. С. 238. По части людоедства «татары» не были исключением. О жителях царства Фуги (ныне провинция Фуцзянь на юго-востоке Китая) у Марко Поло написано: «Едят тут всякое мясо, не гнушаются и человеческим, коли человек не своею смертью помер, а железом убит; такое мясо почитается отличным. /.../ это самые жестокие в свете люди. Что ни день, убивают они людей, и кровь пьют, и мясо съедают» (там же, с. 310). Марко Поло сообщает также о людоедстве на Японских островах, на разных берегах острова Суматры (ныне в составе Индонезии), на Андаманских островах (ныне принадлежат Индии) (там же, с. 317, 320, 321, 322, 324).
- ¹¹ Книга странствий, с. 97.
- ¹² Гайтон приводил названия «племён», которые возглавлялись ими: Татар, Тангот, Ойрат, Джелар, Сунит, Монглы, Тибет (Книга странствий, с. 247). Его сведения неточны. В действительности, «племён» было значительно больше, но лишь немногие из них совпадают по названиям с приведёнными Гайтоном. Сведения монаха свидетельствуют о сбивчивом восприятии на слух и отнюдь не безукоризненном переводе на понятный язык рассказов о деяниях Чингисхана.
- ¹³ Там же, с. 250–251.
- ¹⁴ Борзаковский В.С. История Тверского княжества. СПб. 1876. С. 222–223.
- ¹⁵ В понимании Борзаковского, «тысяцкий был начальник земских, гражданских полков, выбиравшийся князем из дружины». — Там же, с. 223.
- ¹⁶ Там же, с. 224.
- ¹⁷ Лурье Я.С. Роль Твери в создании Русского национального государства. // Учёные записки Ленинградского гос. университета. №36. Серия исторических наук. Вып. 3. Л. 1939. С. 107, прим. 1.
- ¹⁸ Там же, с. 107.
- ¹⁹ Воронин Н.Н. Песня о Щелкане и тверское восстание 1327 г. // Исторический журнал. 1944. №9. С. 75–82.
- ²⁰ Там же, с. 76, 77.
- ²¹ Там же, с. 77.
- ²² Там же, с. 81.
- ²³ Там же, с. 81.
- ²⁴ Там же, с. 82.

Оглавление

Уральская песня о Щелкане Дюдентьевиче и её исторический фон	3
Из предыстории восстания в Твери	17
Летописи о тверском восстании 1327 г.	36
Кенозерские записи песни о Щелкане Дудентьевиче	47
Поморские версии песни о Щелкане	67
О вероятном содержании изначального текста песни о Щелкане	89
Примечания	104

Ю.И. Смирнов

Щелкан Дудентьевич

Иллюстрации из книги: Михаил Ярославич Великий князь
Тверской и Владимирский. Тверь, 1995.
Верстка: А.В. Мартынова

Подписано в печать XX.XX.XXXX. Формат 70x100 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура Garamond
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,5.
Тираж 500. Заказ № XXX